

ВЫПУСТИ МЕНЯ

ИРИНА МАЛАХОВСКАЯ-ПЕН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Малаховская-Пен

Выпусти меня

«Автор»

2021

Малаховская-Пен И.

Выпусти меня / И. Малаховская-Пен — «Автор», 2021

Привычная жизнь Гали в столице внезапно рушится. Она принимает решение переждать непростые времена в деревенском доме, доставшемся ей в наследство от родителей. Вот только Галя не знает, что дом хранит в себе страшные тайны прошлого. Содержит нецензурную брань.

© Малаховская-Пен И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Адамовка, 1988 год	25
Адамовка. Наши дни.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Малаховская-Пен

Выпусти меня

– Мама, осторожнее! – взвизгнула Таська за спиной.

Галя вынырнула из грустных мыслей и даванула на педаль тормоза что есть силы. Зад машины слегка занесло. Таська молодец. Не смотри, что на транквилизаторах девка, а реакция всё равно хорошая. Увидела его первой. На дороге стоял лось, наклонив голову вбок. В таком положении большие ветвистые рога не казались страшными. Выглядели вполне романтично.

– Мам, тут что, лоси водятся?!

– Да пёс его знает, кто тут водится!

Лось стоял аккурат у них на пути. Как она его не заметила? Обычно даже на автопилоте Галя всё вокруг замечала заранее, и умело маневрировала. Как ни крути, а отличная реакция – это у них в крови. Семейное.

– Мам, и что делать будем?

– Объеду. Потихоньку.

Галя включила левый поворотник, усмехаясь про себя. На совершенно пустой дороге... лосю показывает, что трогается с места, и будет его объезжать? Лось внимательными тёмными глазами следил за Галиными маневрами. В его взгляде мелькнула укоризна. Ну, или Галя спятила, и её тоже нужно лечить транквилизаторами. Лось остался позади, Тася притихла, глядя в окно, а Галя опустила обратно в пучину своих невесёлых мыслей.

Всё было весьма неплохо. Нет, сначала было не очень, но последнее время всё шло совершенно точно хорошо. И всё рухнуло в одночасье. Может быть, не всем дано быть счастливыми? Галя рано потеряла родителей, и её растила тётка. Не любила, не давала лакомых вкусных кусочков – они доставались родному сыну тёти Златы, Артёму. А Гале перепали лишь подзатыльники за малейшую провинность. Не то, что бы тётка её била смертным боем из садистских побуждений. Нет. Тётя Злата была просто строга к Гале сверх всякой меры, объясняя это просто и понятно:

– Человека из тебя, дуры, хочу вырастить. Надеяться тебе, мил моя, не на кого, кроме себя. Одна ты на свете одинёшенька. Скажи спасибо, что дома живёшь, на мягком спишь, да каждый день ешь. Всё лучше, чем в детдоме.

Тут Злата, как правило, вспоминала безвременно почившую сестру, и грустила. А Галя с новыми силами бралась за опостылевшие домашние дела. Старалась, сцепив зубы. Ей не на кого рассчитывать. Она должна вырасти человеком. И спасибо тёте Злате, что племянница не гниёт в казённом учреждении среди таких же никому не нужных сирот. Или может там было бы лучше? Да ну, глупость!

Самое тяжёлое время для Гали было в институте. Она жила в общежитии, и зубрила учебники до посинения, лишь бы не лишиться стипендии. Стипендии, которой всё равно ни на что не хватало. Галя подрабатывала на самых низкоквалифицированных и малооплачиваемых работах, чтобы как-то выжить. Спала мало, не всегда успевала поесть. А когда-то и просто выбирала новое платье или сапоги вместо корзины продуктов. Зато всегда была стройной и лёгкой. До головокружения. Все ухаживания молодых людей видная Галя отвергала. У неё просто не было времени на парней. Но однажды девочки уговорили её забыть хоть на один вечер об учёбе и работе. Оторваться. Напиться. Потанцевать. Зажечь.

Зажгли так зажгли. Проснулась Галя в чужой постели без одежды. Память услужливо оберегала её от подробностей прошедшей ночи. А беременность Галя обнаружила по неопытности, когда уже было поздно что-либо делать. Институт был почти окончен. Предъявлять претензии по поводу отцовства постороннему парню после одной случайной ночи Галя считала глупым, но подруги были иного мнения. То ли чувствовали свою вину за вечеринку с послед-

ствиями, то ли просто были действительно хорошими подругами, но Сашу они припёрли к стенке сразу же, как узнали о Галиной проблеме.

Каким-то чудом Саша оказался порядочным мальчиком. В Москве у него было столько же, сколько и у Гали – ничего. И даже ещё меньше, потому, что вырос Саша в Рязани. Но от ответственности за своего ребёнка он не отказался. Сашины родители помогли им снять квартиру в самом спальном из всех спальных районов Москвы, Медведково. Плюс он пошёл работать сразу после института. А Галю снова затянуло в водоворот быта. Как будто и не уезжала от тётки. Только ещё и младенец появился. Анастасия. С лёгкой Сашинной руки её сразу все стали звать Тася. Его родители приехали на первые несколько послеродовых месяцев, чтобы помочь молодым. Но две хозяйки на одной кухне – это всё же слишком экстремально. И родители были меньше, чем собирались. Сашина мама, Маргарита Савельевна, несколько раз спросила:

– А свадьбу-то вы вообще думаете играть?

Саша пожимал плечами, не отрываясь от компьютера. Он был весь в работе, даже домой её приносить умудрялся.

– Мы не думали об этом. – ответила Галя. – Нам и так нормально.

– Всё не как у людей. – качала головой Маргарита. – Всё не вовремя.

Вскоре они уехали, и Галя осталась один на один с вечно орущей Таськой, памперсами, кастрюлями и инертным Сашей. Только теперь она начала понимать, что Саше было всё равно. Именно поэтому он так легко согласился быть мужем и отцом семейства. Беременна? Ну и ладно. Будем рожать. Галя была уверена, позови она его в ЗАГС, и он бы также безразлично пошёл с ней в ЗАГС. Жениться? Да какие проблемы! Пойдём, поженимся.

Каждую свободную минуту Галя писала. Если вообще было возможно найти в её ясельно-кухонном аду эти свободные минутки. Но она находила. Снова недосыпала, недоедала, зато не теряла связь с профессией. Она не собиралась провести среди сковородок всю оставшуюся жизнь. Галя планировала в ближайшем будущем найти себя в журналистике. Зря получала профессию, что ли? Ну, не в журналистике, так в рекламе точно найдёт.

И нашла. Тася пошла в детский сад, а Галя устроилась на работу в первое же рекламное агентство, в которое пришла. Принимал её непосредственно генеральный директор. Красивый ухоженный мужчина лет сорока. Таюшев Владислав Алексеевич, так он представился.

– Медиажурналистика? Хорошее образование. А где же вы были три года, дорогая? Никаких рекомендаций я не вижу... – он просмотрел её скромную папочку с документами.

– Я была мамой. – решила не врать Галя.

– Вы замужем?

Галя задумалась. Замужем ли она? Они с Сашей вместе растят Таську, едят из общей посуды, спят в одной кровати. По документам совершенно точно не замужем. А по факту... и по факту получалось, что не очень-то Галя и замужем. Ну почему на собеседовании всегда задают этот вопрос? Ещё в студенческие годы он дико раздражал Галю. На каждой подработке: «Замужем-не замужем?» Какая разница? Замужем, так хуже работаешь, что ли? А не замужем, так флиртуешь с коллегами днями напролёт? Ей просто нужна работа.

– Это имеет какое-то значение? Посмотрите мои тексты, и...

– Тексты я твои посмотрел, Галя. – перебил её Владислав. – Не против, что на «ты»?

– Не против. Пожалуйста. А если вы волнуетесь по поводу больничных, то Таська у меня очень здоровая.

– Таська? Это Таня? Или Таисия?

– Нет. Вообще она Анастасия. Мы как-то прозвали её Тася, с тех пор так и зовём. – Галя не стала уточнять, что Тасей дочку впервые обозвал Саша, то ли муж, то ли не муж.

– Я не волнуюсь по поводу больничных. И мне нравятся твои тексты. В случае чего, ты же и из дома можешь работать. Давай попробуем. Когда сможешь приступить?

Она тогда очень волновалась, и не поняла, что вопрос о семейном положении Влад задал по причине того, что Галя ему понравилась. Узнала спустя короткое время – начальник не стал скрывать.

– Вы женаты. – попробовала она возразить Владу.

– Женат. Примерно как ты. – тогда он уже немного знал о её семейных обстоятельствах.

– Вы женаты официально! – упрямо сказала Галя.

– Ты же понимаешь, что это ничего не значит.

Тогда она поверила, что это ничего не значит. Хотела поверить, и поверила. Почти двенадцать лет Галя была любовницей Влада, и думала, как последняя дура, что штамп в паспорте ничего не значит. Нет, возможно для него он и правда ничего не значил, но уходить в рай в шалаше с Галей Влад не спешил. Всё собирался то с мыслями, то с силами. А потом всё началось. И покатилося как-то слишком быстро.

Сначала заболела Таська. Никогда ничем не болевшая толком, девочка становилась подростком, а вместе с гормонами вдруг покачнулась и психика. Галя смотрела на психиатра огромными глазами, не понимая, как такое возможно.

– Психическое расстройство. Во что выльется – не знаю. Молитесь, чтобы в маниакально-депрессивный психоз, а не в шизофрению. Я выпишу таблетки, если не помогут – придётся в диспансере наблюдать. На учёт ставить. – он посмотрел на Галин пришибленный вид и добавил. – Сочувствую.

– Но откуда?

– Обычно, это наследственное. Но бывает и посттравматическое. Реже правда. Почва всё равно должна быть. Кто у вас болел по нашей части?

– Никто. – помотала головой Галя. – Никто не болел.

– Ой ли. – усмехнулся врач, выписывая рецепт. – Уважаемая, вы хорошо знаете своих родственников? Всех? Все живы-здоровы, все встречаются на даче по выходным?

Галя помотала головой. Она не знала даже своих родителей. Они погибли сто лет назад в аварии, и ничего не оставили, кроме фото. Ах, да. Ещё старый дом в глухой деревне.

– Вы не представляете, какие скелеты порой выпадают из шкафов. – и врач протянул Гале бумажку с печатями, густо заполненную мелким неразборчивым почерком.

Пришлось давать Тасе препараты. Галя тщательно проштудировала все аннотации к таблеткам, лишнее отложила пока в сторонку. А транквилизаторы и ноотропы решила включить в рацион дочери. Помогло. О наблюдении в диспансере и учёте Галя даже думать не хотела.

Она позвонила Саше. Он давно ушёл от них, женился, и уже воспитывал сына. Отношения между ними от этого хуже не стали.

– Саш, привет. Нам бы поговорить. Не по телефону.

– Галочка, я сейчас в Сан-Франциско. У меня тут контракт. Может по телефону скажешь?

– Да вот не хотелось бы...

– Что такое? – напрягся Саша. – Вы здоровы? Как Таська?

– Таська как раз не очень. Я хотела вопрос тебе задать, а он деликатный.

– Что с Тасей? – голос у бывшего дрогнул. – Не рак?

– Нет, нет! Но тут не знаешь, что хуже...

– Галка, ёб твою мать! Быстро говори, что с нашим ребёнком! Или ты хочешь, чтобы я тут спятил от твоих загадок?

Спятил... спятил...

– Саш, у твоих не было в роду заболеваний психики?

В трубке повисла пауза. Когда Саша вернулся в беседу, он уже был спокоен. Нет, у них ничего такого не было, но он ещё узнает. Нет, приедет он не скоро – контракт минимум на год. Да, если будут какие-то дополнительные траты, он всё оплатит.

– Дай мне поговорить с ней. – попросил он.

И они с Таськой взялись проговаривать её условно-безлимитный тариф, и проговорили весь.

– Папа всё спрашивал, как я себя чувствую сейчас.

– А как ты себя чувствуешь.

– Спать хочу. И к папе хочу. Соскучилась. – Тася собралась реветь, но передумала. – Спать больше.

– Спи, золотко, спи.

Ничего. Как-нибудь. Пусть на трамвилизаторах и ноотропах. Не она первая, не она последняя.

Потом заболел Влад. Внезапно. Подхватил модный вирус, и жена упрятала его в больницу. Первые дни Влад ещё звонил.

– Ко мне никому нельзя. – говорил он сипящим голосом. – Я вообще не понимаю, почему должен тут сидеть. Как будто бы оно дома не прошло.

– А к окну ты можешь подходить? Хоть через стекло бы тебя увидеть.

– Могу. Но не надо тебе тут светиться. Подожди, скоро меня выпишут, и я всё решу. Устал от неё. Хочу к тебе. Насовсем.

– У меня дочь теперь болеет.

– Ничего. Справимся. – уверял Влад.

Потом перестал звонить. И его действительно выписали. Вперёд ногами. Никто особо и не удивился – от проклятого вируса умирали сплошь и рядом.

В офис приехала жена Владислава, Римма Михайловна. Никто ранее её не видел, хотя поговаривали, что агентство официально принадлежит именно ей. Она собрала всех в конференц-зале, объявила, что компания понесла страшную потерю, но работать будет в том же режиме, и отпустила всех.

– Адамова, задержитесь.

Галя замерла. Неужели она себя как-то выдала? Вроде не рыдала на собрании. Сдерживалась. Хотя внутри всё так и разрывалось от боли. Было невозможно жалко Влада. Да и себя тоже. И сейчас какой-то странный холодок, пробежавший по позвоночнику, убедил её, что жалела она себя не зря.

– Да, Римма Михайловна?

– Присядь. Ты у нас кто? Редактор?

– Д-да.

– Я всё знаю. – с насмешливым торжеством сказала Римма.

– Что – всё? – включила дурочку Галя.

– Каким местом ты себе заработала должность редактора. Знаю, что мой муж спал с тобой. Знаю даже, что любил тебя. Думаю, любил, да. Так и чесалось у него, бросить семью, и уйти к тебе. Не хватило духу.

– Откуда вы...

– Да неважно, откуда! Важно другое. Ты ответишь мне за все мои слёзы. За все бессонные ночи, когда я ждала, пока он оторвётся от тебя. А знаешь, почему он так и не ушёл к тебе?

– Потому, что это правда ваша контора. – упавшим голосом сказала Галя. – Он боялся, что не сможет начать всё с нуля.

– А он бы и не смог! Мне интересно другое... сколько лет ты с ним спала? Десять?

– Двенадцать.

– И что ж ты даже квартиру себе не купила, дура? Так и живёшь в съёмной. Куда ты теперь пойдёшь?

Галя смотрела на неё во все глаза. До неё слишком медленно доходил масштаб проблемы. Она понимала, что потеряет работу. Но при чём тут квартира...

– Ты что, правда думаешь, что я дам тебе работать в Москве? – Римма сочувственно улыбнулась. – Нет, ну какой-нибудь официанткой, думаю, ты вполне можешь устроиться. Но в рекламе, в СМИ, или на телевидении я тебе работать не дам. Ты никто в нашем мире. А теперь будешь ещё меньше, чем никто. Свободна. Расчёт получишь, как положено. Законов мы не нарушаем.

И Римма отвернулась к окну, делая вид, что никакой Гали в зале больше нет. Испарилась. Сгинула.

Её и правда никуда не взяли. Да она не особо и пыталась. Так, сделала пару робких заходов, и сразу получила от ворот поворот. Ей позвонила знакомая редактор с коммерческого канала:

– Галка, твоё имя в чёрном списке соискателей. Это мегера с тобой так?

– Ну, а кто?

– Дура ты! Не могла за столько лет квартиру купить себе?

– Далась вам эта квартира! – психанула Галя.

Она посчитала сбережения. На квартиру, конечно, не хватит. Но хватит уехать куда-нибудь, и там пересидеть бурю. К морю дороговато. Просто в провинцию не хочется. А что если...

– Таська, хочешь пожить в деревне? У нас там дом.

Тася высунула нос из книги. На обложке была страшная картинка – то ли вампиры, то ли оборотни, то ли все вместе против инопланетян. Нет, лечить психику и читать хорроры – это только Таська так может.

– Mam, ты спятила? У тебя умер любовник, и ты сошла с ума, да?

– Кто тут ещё спятил. – расхохоталась Галя, впервые за много дней. – Поговори у меня.

– А что за дом?

– Если бы я помнила...

Кое-что она помнила. Дом был каким-то жутко большим, тёмным, и стоящим на отшибе. Вроде как и в деревне, но отдельно от прочих домов. Вот и всё, пожалуй, что она помнила о том доме, в котором родилась и жила до четырёх лет.

Галя сводила Тасю к психиатру и посоветовалась с ним, заодно пополнив запасы лекарств по рецепту.

– А что? Неплохая идея, пожить на природе. Большие города, что ни говорите, стресс для человека сами по себе. – поддержал Галю доктор, выписывая очередной рецепт. – Как вообще у вас дела? Сократились проявления?

– Практически нет проявлений, я бы сказала. Чудо, а не ребёнок. Первое время спать хотела, сейчас уже привыкла, и нормально всё.

– Отлично! Когда вернётесь, обязательно зайдите показаться.

Когда вернётесь... а когда они вернуться? Нет, ну когда-нибудь, наверное, вернуться. А пока надо доехать туда. За пригорком показались вполне симпатичные домики.

– Это она, мам? Это Адамовка? Ой, я только сейчас поняла... у нас фамилия-то Адамовы!

– У тебя фамилия Горностаева. Как у папы.

– Но по тебе-то Адамова! Mam, так это, получается, наша деревня. Видимо, наши предки были тут каким-то шишками. Графьями поди, да?

Таська непривычно оживилась.

– Слушай, мам, тут клёво. И лоси по дорогам ходят, и домики красивые. А наш где?

– Я тебя не хочу пугать, но боюсь, наш не такой красивый. Тем более, в нём больше тридцати лет никто не жил.

– Ой, а если там вообще жить нельзя? Всё развалилось?

– У нас вариантов особо нет. Будем обустраиваться. Сейчас конец мая, тепло уже. Не пропадём, не дрейфь, Таська.

Галя притормозила посреди деревни, думая, у кого спросить дорогу к отчому дому. День вроде, а на улице никого. Может все на ферме? Есть тут какая-нибудь ферма? В этот момент калитка в ближайшем заборе приоткрылась, и из неё вышел пожилой мужчина. Ну, как вышел... выковылял. Он осторожно подволакивал ногу, обходясь без трости или костылей. Галя открыла окно и выглянула.

– Заблудилась, красавица? – участливо спросил дед.

За ним следом из калитки уже протискивалась хозяйка дома, не в пример щуплому супругу, дородная и гладкая.

– Где дом Адамовых, подскажите, пожалуйста.

Старик отчётливо крякнул. Потёр несуществующие усы, и спросил:

– А ты им кем будешь-то? Адамовым?

– Я Галина Адамова. Дочка Виктора и Марии.

– Вона как. В гости, или зачем?

Разговор начал раздражать Галя.

– Или. Так подскажите, где дом?

И с удивлением увидела, что бабка, шепнув что-то деду на ухо, тащит его обратно к ограде. Что ещё за чертовщина? Она что, проститутка какая-то, чтобы мужиков от неё так уволакивать.

Дед стряхнул руку бабки с плеча, и сделал ещё шаг к машине.

– Это тебе надоть было свернуть налево, как въехали. И до конца той дороги. К дому-то, наверное, не проедешь – заросло. Коса-то есть?

– Дедуль, у меня внедорожник. Я проеду. Спасибо. – завершила его Галя.

Тася опустила своё стекло и улыбнулась старикам. Бабка ахнула, и прикрыла рот рукой. А дед усмехнулся и перекрестился.

– Таська, у нас что, рожи грязные? – улыбаясь, спросила Галя.

– Да не сказала бы.

– Странные они тут какие-то.

Она развернула машину и вернулась к въезду. Свернула налево и покатила джип по неровной дороге, которая закончилась полем с высокой травой. А за травой чуть поодаль торчала тёмная крыша. Сердце трепыхнулось в груди, пытаясь напомнить. Галя подышала, и въехала на поле, надеясь, что нигде под зарослями травы не таится никакой канавы. Колёса прижали густую растительность, и они подъехали почти вплотную к высокому двухэтажному дому.

– Мам... он как в фильмах ужасов! – с восторгом выдохнула Таська.

– Меньше смотреть надо такие фильмы. Ну? Пойдём, посмотрим, что там с домом?

– Ага!

– А коса-то и правда не помешала бы. – пробормотала Галя, пробираясь к своему родовому гнезду.

Окна были заколочены досками. Но стёкла оставались целыми. Навесной замок на двери открылся ключом, который Гале много лет назад отдала тётя Злата. И замок не проржавел, что ли, за тридцать лет? Или уже тридцать пять? Странно как-то. Целые окна, почти нетронутый ржавчиной замок. Нереально! А внутри, хоть и был пыльный беспорядок, но не было следов вандализма. Как будто за все эти годы никто даже не попытался влезть в дом. Гале стало не по себе.

– А где тут вода? – покрутила головой Тася.

– В колодце. А где колодец, я не помню. В машине есть баклажки из магазина. Дотащишь? Или, давай я сама принесу.

- Погоди... тут нет воды?
- Откуда тут вода? Водопровода нет.
- А где мыться? – ужаснулась Тася.
- Так баня во дворе. А впереди лето. В летнем душе мыться.
- И туалет на улице?

Гале надоел весь это цирк.

- Слушай, дорогая, а ты думала, я куда тебя везу? Русским языком же сказала: в деревню!
- У бабы Риты тоже деревня. Но там всё есть...

Галя махнула рукой на Таську, и начала перетаскивать вещи из машины. Коробку с душем, который ещё надо было собрать. Ну, это можно сделать и потом. Бутылки с водой. Пакеты с продуктами, с бельём, сумки и чемоданы с вещами. Тася поняла, что деваться некуда, и присоединилась. Вдвоём они быстро всё перетаскали.

– Ну вот! Другое дело. – с ощущением сделанного полдела сказала Галя. – Давай поедим, и на колодец. Да?

– Так есть же вода.

– Нет, ну что бы сделать уборку и самим ополоснуться всё равно нужно натаскать. Ты чего?

– Мам, мне тут не нравится. – совсем скисла Тася. – Я не хочу тут жить.

– Да нет у нас сейчас с тобой других вариантов! Поживём лето, дальше видно будет. Давай-ка всё отмоем тут, глядишь, и по-другому будет. Не так мрачно.

– Да нет... не только в этом дело. – уныло сказала дочь. – У меня тут странное ощущение. Неприятное.

- Какое ещё ощущение? Ты таблетки пила свои?
- Мам, успокойся. Я их пью по часам. Ты же знаешь.
- Ну, а что за ощущение-то?
- Как будто... тут есть кто-то ещё, кроме нас.

Сказала, и засмузилась. Раньше бы не смузилась. Да и чего тут смущаться? Но с тех пор, как был поставлен диагноз, Тася старалась не говорить лишнего, и послушно глотала транквилизаторы. Чтобы больше не повторялись никакие навязчивые состояния. Чтобы ничего не мерещилось. И всё было хорошо, а тут вдруг опять. Померещилось.

– Я ничего такого не чувствую. И не слышу. Пройдём по дому, проверим все уголки-закоулки, чтобы тебе было спокойно. Хорошо?

Тася пожала плечами. Галя взяла пакет с едой, нарезала бутербродов, вскипятила воду в электрическом чайнике. Посмотрела на счётчик около двери. Совсем старый... надо бы сменить. А то коротнёт что-нибудь, и для полного счастья будут ещё и без света.

Она сама уже забыла, естественно, как это: без воды, туалет на улице. А ведь когда-то в детстве это было делом привычным. Четыре года... достаточно осознанный возраст. Почему она так плохо помнит себя? В этом доме, и вообще. Ещё меньше Галя помнила маму с папой. Совсем не помнила. Но почему? Ей вдруг захотелось поговорить с тёткой. Единственная ниточка к родителям. К маме. Галя вытащила из кармана мобильник. Ух ты! И связь даже есть... ну это как раз не удивительно, вышки натыканы на каждом шагу.

Телефон Златы был не в абоненте. Странно. Она набрала городской номер. Длинные гудки. Ладно, когда тётя Злата появится в сети, ей сообщат.

– Поела?

Таська кивнула.

– Идём в сарай. Посмотрим, что там есть вообще.

– Тут и сарай есть? – удивилась дочь.

– Тут должно быть всё. Полный комплект. Я смотрела по документам – и сарай, и баня, и туалет. Целый комплекс хоз. построек.

В сарае было всё так, будто хозяин вышел минут пять назад, и скоро вернётся. А Таську вдруг затрясло мелкой дрожью.

– Что с тобой такое?

– Тебе самой не странно? Это как с кораблями в Бермудском треугольнике! Люди находят их в таком виде, словно корабль покинули только что. Кофе и сигареты дымятся, сидения тёплые, а никого нет. Тут также.

– Что? Сидения тёплые? – пробормотала Галя, осматриваясь.

– Мам, да ты не видишь, что ли?! Тут всё в порядке, а никто не живёт. Это как? Может живёт кто-то?

– Где живёт-то? В сарае? Не придумывай! О! А вот и то, что нам нужно.

Галя выволокла из угла флягу. Провела по ней пальцем – на коже осталась густая серая полоса.

– Посмотри, сколько тут пыли. И успокойся.

– А. Ну, да. – пробормотала Тася, глядя на пыль.

Галя нашла какую-то тряпку и стёрла пыль с фляги. Подцепила тележку для фляги, соединила их, и потащила конструкцию на улицу. Таська с восхищением посмотрела на мать. Во даёт! Как будто всю жизнь только этим и занималась.

Колодец был тоже как новенький.

– Ну как? Не странно тебе, нет? – усмехнулась Галя, опуская ведро вниз.

– Им, наверное, пользуются. А где все люди?

– Думаю, на работе.

– А где тут работают?

– На ферме. В поле. Наверное, это всё.

– А школа тут есть?

– Таська, я так далеко не загадывала. И потом, я понятия не имею, есть ли тут школа.

– Только ты могла притащиться жить в такую Тмутаракань, ничего о ней не узнав толком.

– Я родилась в этой Тмутаракани, как ты выразилась. И прописана я тоже тут. Да и ты, кстати.

Тася выпучила глаза.

– Я же в Москве паспорт получала.

– Но прописали-то тебя сюда. По месту прописки твоей матери.

– Так я что же... деревенская.

И Тася развела руки в стороны, скосив глаза, как дурочка. Галя прыснула, и чуть не упустила ведро.

Набрав воду, они отмыли дом, а точнее, первый этаж. Перед тем, как готовить ужин на привезённой электроплитке, Галя предложила обойти весь дом. Заглянуть в каждое помещение и убедиться, что в доме они одни. Начали со второго этажа. Пыльно, мрачно. Но стёкла в окнах также целы. Наверху было две комнаты и между ними коридор.

– Конечно, если жить, то тут бы хотелось. – печально констатировала Тася.

– Да ну! Я тут пока не хочу. Меня вполне устраивает первый этаж.

– Почему все комнаты такие огромные? И в каком году строился этот дом?

– В каком-то очень древнем году. Я смотрела в бумагах, но у меня тут же вылетело из головы. Ну? Убедилась, что тут пусто?

– Давай в шкафы заглянем?

– Ох ты, Божечки! – фыркнула Галя. – Ну, давай заглянем.

Из шкафа сразу после того, как его открыли, вылетел запах затхлости. Внутри висели женские платья и мужские костюмы. Парочка всего. Внизу стояла обувь. Справа мужская, слева – женская. Сапоги, туфли, и две пары босоножек. Всё такое винтажное.

– Надо разгрести. Потом.

– А чем воняет?

– Затхлостью. Этот шкаф стоял закрытый много, много, много лет. – Гале вдруг стало грустно.

А Таська аккуратно сдвинула платья и осмотрела шкаф. Никого там не обнаружив, успокоилась. В другой комнате шкаф был пуст. Только в углу стояла коробка, а в ней лежала куча игрушек, покрытых толстым слоем пыли.

– Почему тут пустой шкаф? – удивилась Тася.

– Это мой. Моя комната. – каким-то чужим голосом сказала Галя. – Меня забрали отсюда с вещами. Поэтому тут нет моей одежды.

– Ух ты... а игрушек-то у тебя было так нехило. У меня и того меньше.

– Осмотрела шкаф? Пошли отсюда.

– Такое здесь всё... странное. Провода торчат, выключатели какие-то круглые.

Галя подтолкнула дочь к двери. Больше ей тут находиться не хотелось. Ей вдруг показалось на мгновение, что в голове была готова всплыть картинка. Её что-то не пропускало. Она просилась, стучалась откуда-то снизу, хотела показаться, эта картинка. И Галя могла поклясться, что это воспоминание, рвущееся на свет, было плохим. Мрачным. Тёмным и зловещим.

Взявшись готовить омлет, Галя не обнаружила молока.

– Мы покупали молоко? – спросила она у Таськи, сидящей носом в телефоне.

– Мугу-у. – промычала дочь.

– Я по коровьи не понимаю. Отвечай нормально. Помнишь ли ты, покупала я молоко?

– Мам, ты покупала молоко. Упаковку. Двенадцать пакетов. Ты чего?

– Ну, и где оно?

Тася пожалала плечами, глядя на растерянное лицо матери.

– Ну, давай яичницу пожарим. Или сварим яйца, с майонезом слопаем. В чём проблема?

– Да нет никакой проблемы! – стараясь не сорваться на крик, выговорила Галя. – Просто если молоко покупалось, то оно же должно где-то быть! И где оно? Куда могла подеваться упаковка молока?

– А ты приносила его из машины?

– Не помню.

– Так может, оно там и осталось?

Галя сбегала к внедорожнику, и перевернула всю машину вверх дном. Молока не было. она вернулась в дом, и заглянула во все щели. Под диван, под стол, в шкаф. Под стул. Даже в холодильник залезла, хотя даже не включала его пока. Молока не было нигде! Что за чертовщина? Нет, её так просто не сбить с панталыка! Раз Галя решила, что хочет омлет – значит, будет омлет.

– Я иду в деревню за молоком. Ты со мной?

Тася, убедившись, что дом пуст, вроде совсем успокоилась. У неё вовсю шла переписка с подружками в общем чате. Если мама уйдёт, она сможет созвониться по видеосвязи, и показать девчонкам их мрачный домик.

– Не, мам. Я тут посижу.

– Ну, хорошо. Только запришь на щеколду, и на связи будь. Поняла?

– Да-да, не волнуйся. – и снова уткнулась в смартфон.

Галя посмотрела на небо. Странный климат в этой стране. Вроде не джунгли, а перемены погоды как в джунглях. Полчаса назад светило солнце, а сейчас всё небо заволочло серыми тучами. Она машинально нажала на брелок сигнализации, вытащила из бардачка зонтик, и взяла с собой на всякий случай. Траву бы тут покосить, конечно. Это было бы интересным опытом. Взять косу, и как Лев Толстой выйти в поле. Лепота! Но самое простое съездить завтра в магазин в городе, и купить бензиновую косу. Всё ж таки времена Льва Толстого давно прошли, сейчас нет никакой нужды усложнять себе жизнь. Пока есть какие-то деньги, нужно подумать о хозяйстве. Сколько они тут проторчат? Как всё нелепо получилось... на Галю вдруг навалилась тоска по Владу. Подумать только, почти двенадцать лет они были вместе. Она была его любовницей. Ну и что? Она ведь любила его. Конечно, любила! Именно поэтому Галя сейчас в таком бедственном положении. Ни квартиры в Москве, ни работы. Уползла в глухомань заливать раны. А как их тут залижешь? Как бы они ещё сильнее не открылись. С другой стороны, ей надо, чтобы в столице всё поутихло, и про неё забыли. Можно начать сотрудничать с каким-нибудь интернет-изданием под псевдонимом. А дальше видно будет. Если выйти на определённый уровень дохода, можно снова будет подумать об аренде в Москве. Или сразу об ипотеке. Размышляя так, отгоняя грустные мысли о безвременно почившем любовнике, Галя снова оказалась посреди деревни. Вот колодец. А вот из этой калитки выходили странные пенсионеры. Да какого черта? Странные – не странные. Всё равно это её единственные знакомые тут. Если можно так сказать – имён стариков Галя не знала. Но лучше уж она спросит про молоко у них, чем пойдёт, и найдёт кого-то, кто может оказаться ещё более странным. А на сегодня с неё хватит странного.

– Эй! – покричала Галя около калитки. – Эй, бабушка, вы дома?

Тишина в ответ. Собаки нет вроде. Она толкнула калитку и вошла на участок. Прошла к двери, та оказалась незапертой. Значит кто-то дома? Галя вошла в узкую кухню и почувствовала запах свежего борща.

– Хозяйка! Вы дома?

Снова нет ответа. Огород! За домом есть огород, наверняка старики копаются там. Она резко развернулась и вместо выхода на улицу увидела перед собой огромную фигуру, в которую чуть ли не ткнулась носом. Нервы Гали не выдержали, и она завизжала, что есть силы.

– Ну, ничо так. Прикольно у тебя там. – сказала Лена, которой Тася провела экскурсию по видеосвязи. – А тётя Галя где?

– Пошла молоко искать. Деревенское.

– Я никогда не пробовала. Вкусно, наверное.

– Не, я сто раз пробовала. У бабки под Рязанью. Ничо такое, вкусное. Жирное сильно. Мне сметана нравится деревенская, она как масло. Её мажут на белый хлеб, и жутко вкусно. Но тоже всё такое жирное, что потом в джинсы не влезаешь.

– О, тётя Галя пришла?

Тася бросила взгляд на дверь.

– Нет. Она бы постучала, я же изнутри закрылась.

– А кто с вами ещё? – спросила Ленка.

– Никого. Мы вдвоём, говорю же тебе.

Ленка прищурила глаза, всматриваясь. Тасе стало не по себе. Но было очень страшно смотреть назад. Она сделала своё изображение на весь экран и внимательно изучила. Да нет. Вот она, сидит на диване. А за ней стена.

– Ленка, ты гонишь что ли? Нет никого. – Тася повернулась, и убедилась в этом.

– Ну... может загнуло. Но мне показалось, стоит кто-то. Ну, так и что? – перевела тему Лена. – Надолго вы туда свалили?

– Если бы я знала. – вздохнула Тася. – Мама говорит, пока надо побыть тут. Мне самой не особо всё это нравится. Дом прикольный, но это если тут не жить. А изнутри уже и не очень прикольно. Да ещё никакой цивилизации.

– Таська, без тебя скучно.

– Отпросись у своих, приезжай летом.

– Может быть и приеду. – задумчиво сказала Лена. – Как, ты говоришь, называется ваша деревня?

Изображение на экране пошло помехами.

– Алё! Лена. Лен, ты меня видишь? – Тася постучала по аппарату.

Картинка с Леной мигнула, и исчезла. Тася попыталась перезвонить. Ничего. Она глянула на шкалу сотовой связи и увидела надпись «нет сети». Прекрасно! А куда же делась сеть? Только что была.

По коже девочки поползли мурашки. Снова появилось это странное и страшное ощущение, что в доме есть кто-то ещё, кроме неё. Куда подевалась мама? Почему её так долго нет? Скоро уже начнёт темнеть, а она тут одна. Тася пошла к двери. Она выйдет на улицу, может быть там есть сеть. Выйдет, поймает сеть, и позвонит маме. Она не хотела больше оставаться в этом доме в одиночестве.

– Вы меня напугали. Напугали! До смерти напугали...

– Ну... скорее, до полусмерти. Вы вполне себе живая.

– Вы такой огромный. И так подкрались. – Галя держалась за сердце.

– Девушка, я к себе в дом зашёл. И уж никак не ожидал тут увидеть незнакомую барышню. Таковую пугливую тем более.

– Тут же другие люди живут. Я днём их видела. Дед и... жена его.

Сказать «бабка» Гале показалось невежливым, хоть и логичным.

– Это мои родители. А я к ним в гости наезжаю. Силы-то уже не те у стариков. Приходится помогать. Будь оно всё неладно! – с досадой резюмировал детина. – Меня Илья зовут.

– Галя. – она подняла на него глаза.

Точно Илья. Муромец. Здоровее она никого не видела за всю свою жизнь. Богатырь, одним словом.

– А чего вы, Илья, ругаетесь? По поводу ваших визитов к родителям?

Он присел на табуретку напротив неё, через стол.

– Потому, что я их зову в город переехать. Не хотят в Москву, так хоть вон в Талдом. Разве плохо на старости лет жить с комфортом? Не ходить в туалет на улицу. Не носить воду из колодца. Не топить печь. Так нет, они упёрлись, и ни с места.

– Позвольте... но ведь это всё можно сделать и тут. Благоустройте им дом, и будет вашим старикам полегче.

Илья усмехнулся, потом сделал важное лицо, и вымолвил с выражением:

– Помрём, хоть дом сноси. А пока мы живы – не надо нам твоих перестроек.

– Не похоже. Фиговый вы пародист, Илья. – грустно сказала Галя. – Ну, вроде сердце перестало стучать, как у зайца.

Она встала.

– Вы случайно не знаете, у кого тут молока купить домашнего?

Илья, ничуть не обидевшийся за «фигового пародиста», тоже поднялся, и спросил:

– А вы не здешняя? Я просто никогда вас тут не видел.

– Я тут родилась. А выросла совсем в другом месте. Теперь вот пришлось вернуться.

– Надолго?

Галю начал раздражать этот допрос. Ну не знает, где купить молока, ну и чего прицепился?

– До свидания, Илья. – строго сказала она, и повернулась к выходу.

– Подождите. Провожу вас за молоком. Дома-то пронумерованы как попало, сам чёрт не разберёт. Хорошее молоко у Татьяны.

Они побрели по деревне прогулочным шагом.

– Я рассчитывала застать ваших родителей. Они куда-то ушли?

– Наверное. Я не слежу за ними. К соседям куда-нибудь ушли, чай гонять. Так где вы родились? В каком доме?

– В большом, двухэтажном. Который по той улице, что слева, в самом конце. – она подумала, достаточно ли толково объяснила. – Он даже не совсем на улице, а как будто чуть за пределами деревни, в сторону леса. Особняком стоит, рядом с озером.

– Да идите вы! – радостно воскликнул Илья, и остановился.

Галя ничего не поняла, но на всякий случай сказала:

– Да сами вы идите! Что такое-то?

– Вы Галя Адамова? Мы с вами в детстве вместе гуляли. Вы не помните, что ли?

Она помотала головой. Галя себя-то не помнила, не то, что тех, с кем играла в детстве.

– Галя Адамова. Девочка из дома ужасов.

– Что? – она не поверила своим ушам.

– Галя, да вы правда ничего не знаете?

– Да что такого я не знаю, Господи Боже ты мой?! Я просто не была тут с тех пор, как родители погибли в аварии. А тут вернулась... и все ведут себя как-то странно. И вы в том числе. Что вы имеете в виду?

Галя остановилась, повернулась к нему, и остановила Илью, упершись ладонью ему в грудь. Не грудь, скала! Но мужчина остановился. Всмотрелся в её лицо, и снял Галину руку со своей рубашки.

– Если вы ничего не знаете, то и я рассказывать ничего не буду. Это просто глупые слухи, вот и всё.

– Нет уж! Первые, кого я встретила, были ваши родители. И они вели себя так, словно у меня рожа в саже вымазана. Только что не перекрестились. А, нет, погодите! Ваш отец перекрестился. Как будто я – привидение! И мне всё это кажется странным, но если вы что-то знаете – скажите мне. Потому, что дом... дом тоже странный. Там никто не жил столько лет, а ничего не тронут. В общем, мне странно, почти уже страшно. Мне надо делать омлет, а я молока не обнаружила. Хотя точно его покупала. И теперь вы с этим вашим «дом ужасов». Что это значит, чёрт побери?!

– Галя, вы успокойтесь. А то вон соседи уже выглядывают. – он показал глазами на тётку, выглядывавшую из-за забора. – Это Татьяна, и у неё продаётся молоко. Покупайте, и я вас провожу.

– И расскажете про дом ужасов?

– Да это просто детские страшилки! Нас пугали в детстве. Ну, и до сих пор детей пугают вашим домом.

Он не сказал ей главного. Что детей пугают не просто так. Что один раз, лет пятнадцать назад, двое смельчаков решили ночью пойти в дом Адамовых и поснимать призраков на телефон. Тогда только появились первые телефоны с камерами. Два пацана лет пятнадцати задумали такую весёлую авантюру. Приключение. Один вернулся домой, трясущийся и седой, и больше никогда не смог говорить. Родители его продали дом и убралась подальше от этих мест. Если верить слухам, пацан с тех пор дважды в год по несколько месяцев проводит в психушке. Заговорить он так и не смог. На все просьбы хотя бы написать, что случилось, он трясся и мычал.

Его друга нашли на участке злополучного дома со сломанной шеей. Всё это было сравнительно недавно, если учесть, что в доме никто не живёт уже несколько десятков лет. Но

дом и правда хорошо сохранился. Илья иногда ходил мимо него за грибами. Раньше ходил. А после случая с отчаянными подростками стал ходить в другую сторону. И, если верить Гале, за прошедшие с того времени пятнадцать лет, с домом тоже ничего не случилось. Он вспомнил сейчас тот случай, будто всё было вчера. Даже имена парней вспомнил. Сергей и Георгий. Вот Сергей как раз выжил. Хотя неизвестно, что лучше. А Жору нашли со сломанной шеей. И не получили ответов от выжившего мальчика.

Галя, судя по всему, не знала ничего о своём доме. Также, как и о том, от чего и как погибли её родители. Илья не хотел верить, что с домом что-то не чисто. Да, с пацанами случилась странная история. Страшная. Трагичная. Но что там могло быть такого, чтобы все так боялись этого дома? И что могло случиться с Жоркой? Как он умудрился сломать шею? Да очень просто! Не смог открыть дверь, и полез в окно на втором этаже – на первом все окна были накрепко заколочены досками. Сорвался и сломал шею – ничего таинственного. Гораздо интереснее, что так повлияло на Сергея, что он спятил и лишился дара речи! Вот это правда было интересно. И, наверное, таинственно.

Вернулась Галя с трёхлитровой банкой молока.

– Давайте донесу.

– Да я бы и сама могла. – она посмотрела на небо. – Скоро темнеть начнёт. Ладно, проводите меня. Вы обещали рассказать.

– Галя, рассказывать совершенно нечего. Просто ходят слухи, что в вашем доме нечисто.

– Что? Как? – не поняла она.

– Что там скрывается зло.

– Ого-о! Зло.

Галя замолчала и задумалась. Вот он сказал: зло. А что конкретно имеется в виду под злом? Также тоже нельзя. Нужно конкретизировать.

– А более детальные слухи есть? Какое там зло?

– Да нету никаких деталей! Никто же никогда не видел этого самого зла. Придумали сказку и пугают детей.

– Мы пришли. Зайдёте? С дочкой познакомлю.

– У вас есть дочка? – удивился Илья.

– Почему у меня не должно её быть? Есть. Большая уже.

Дверь в дом была открыта. Тася лежала на полу около порога без сознания.

– Боже мой! – кинулась к ней Галя. – Боже, Таська, что с тобой? Очнись! Очнись! Тасенька!

Илья аккуратно поставил банку с молоком на стол. Подошёл к девочке.

– Перестань вопить! Дай-ка я посмотрю.

Он деловито прощупал пульс, оттянул веки, посмотрел глаза.

– Что... что ты делаешь?

– Ти-ха! – гаркнул он. – Я врач. Нашатырь есть?

– Нет. Нету нашатыря.

– Тогда носи холодную воду.

Илья поднял девочке ноги, и держал руками. Галя принесла воду.

– Протирай ей лицо водой. Можешь брызгать. Дверь на улицу не закрывай. А лучше ещё и окно открыть.

– Окна заколочены. Я ещё не отдираю доски. Тася!

Галя делала всё, как он сказал. Глазные яблоки Таси под веками задвигались.

– Может, скорую вызовем? – жалобно спросила Галя.

– Она уже приходит в себя. А нашатырь должен быть! – строго сказал Илья.

Тася застонала и открыла глаза.

– Ого-о! Какой вы огромный.

Илья аккуратно положил её ноги на пол и сказал:

– Чего это такая взрослая девица, а на полу валяешься? Чай не пять лет.

Тася прыснула.

– Таська, что с тобой? Ты ударилась?

– Я-а? – Тася попыталась приподняться, Илья помог. – Я пошла к двери, потому, что... а почему? Я не помню. Наверное, тебя долго не было, я пошла посмотреть, где ты там. Точно!

– Ну, ну! Пошла к двери! А дальше-то что?

– А дальше... дальше я не помню. Открыла щеколду. И всё. провал.

– А раньше ты, девица-красавица, в обмороки падала? – спросил Илья.

– Не помню. Кажется, нет.

– Точно не падала. – кивнула Галя. – Не хочешь переместиться на диван? Или тебе на полу удобно?

Тася поднялась и пошла к дивану. И тут вспомнила. Как разговаривала с Ленкой, и та увидела какую-то тень у неё за спиной. А потом связь так странно прервалась, и сеть пропала. Тася, оставшись без связи, испугалась, и пошла искать мать. Но рассказывать она об этом не торопилась. Вынула из кармана сотовый, включила экран. Сеть была на месте. Полная шкала. Хорошая, устойчивая сеть.

Галя приготовила омлет, сделала бутерброды, сварила кофе, и позвала всех к столу.

– Хорошо! – сказал Илья, наевшись. – Сто лет не ел домашнего омлета. Мать не делает. Глазуньей меня пичкает. Зато из своих яиц.

– Точно! Яиц-то тоже можно было тут купить. А мы из города пёрли.

– Неопытные ещё. Научитесь. – хмыкнул Илья.

– Мама, что это?! – спросила Тася, глядя куда-то в угол круглыми от страха глазами.

– Что такое? Не пугай меня! – она проследила за взглядом дочери и замерла.

У стены, преспокойненько и мирно, стояла целая упаковка пакетированного молока. Все двенадцать пакетов. Нетронутых. Нераспечатанных.

– Его тут точно не было! – хором сказали они.

– Давайте, я вам доски от окон отдеру. – предложил Илья. – Сходим вместе, воздухом подышим.

Они пошли отдирать доски от окон. У Ильи в голове крутилась история пятнадцатилетней давности, у Таси – история с пропавшей сетью и потерей сознания на ровном месте. А Галя не могла перестать думать про молоко. Её же не было там, этой дурацкой упаковки! Её нигде не было! Они обыскали всё. Дом, машину, территорию от дома до машины. Стоящую у стены упаковку она бы точно увидела. До неё дошло, что Тася и Илья о чём-то разговаривают – он отрывал доски и подавал Тасе. А она принимала и складывала на землю. Поразительно то, что Илья не пользовался никаким инструментом. Просто брался за доску своими огромными руками, и отрывал. Сначала с одной стороны, потом с другой.

– ... ну пожалуйста! Ну, дядя Илья. Что вам, жалко?

– Не могу, дорогая. Но я оставлю вам свой телефон. Звоните в любое время.

– Что? О чём вы говорите? – вмешалась Галя.

– Я прошу дядю Илью переночевать у нас.

– Что-о? Ты в своём уме? – и тут же осеклась.

Тася обижаться не стала. Последнее время мать была потерянной, всё забывала. Переживала смерть своего любовника, чего тут удивляться. Она и не удивлялась. И не обижалась.

– Он вон какой большой! Мне с ним ничего не страшно. – кисло сказала Тася.

– Обойдёмся. Скажи спасибо, что нам окошки освободили. Завтра помоем их, и в доме будет не так мрачно.

Галя потрогала оконную раму. Она должна была рассыпаться за столько лет. А она как новая. Только пыльная. Просто пыльная, и всё. В доме зло. Какое зло? Которое бережёт дом от разрушения?

Илья ушёл. Тася совсем загрустила.

– Как мы будем спать?

– Пока не обустроились, давай диван разложим, и поспим на нём вдвоём.

Ей показалось, или дочка немного выдохнула? Они разложили диван. Галя рукой выбила пыль из обивки, постелила плед, а сверху уже бельё.

– Ты таблетки выпила свои?

– Ой. Забыла.

– Да как так?! – возопила Галя.

– Мне не до таблеток было. Я в обмороке валялась. – съязвила Тася, доставая лекарства из рюкзака. – Включи хоть фильм какой-нибудь, пока засыпаем.

– Хорошо. Какой?

– Добрый. – подумав, попросила Тася.

Это что-то новенькое. Её любительница ужасов захотела доброе кино? Галя предложила советскую комедию, и Тася согласилась. Её вырубил на двадцатой минуте фильма, но Галя решила досмотреть. Всё равно Тася ничего не понимает в настоящем добром кино. Сейчас такого уже не делают. У них в стране так точно. Галя легла на бок, и смотрела, не отрываясь, на экран. Там шутили, убегали, догоняли, ловили, ссорились, любили, ненавидели. И всё по-доброму. По-настоящему.

Фильм закончился, но ноутбук выключать почему-то не хотелось. Как только звуки финальной музыки затихли, к Гале снова вернулись мысли. О странностях этого места. И о молоке. Где вот оно было весь вечер? Хотя, хорошо, что молоко не сразу нашлось. Нашлось бы – и не познакомились бы с Ильёй. Адекватный мужик, не крестится при знакомстве. Врач к тому же. И вообще, симпатичный малый. Да и Татьяна, у которой Галя брала молоко, не шарахалась от неё. Правда, Галя не объясняла ей, кто она. Та и не спрашивала. Слава Богу.

Интересно, этот симпатичный огромный мужик сказал, что домашнего омлета давно не ел – мать не готовит. Неужели, такие мужчины бывают неженатыми? Или просто жена не готовит, так ведь тоже бывает. Хотя... тут он явно без жены – стал бы иначе Илья водить Галю за молоком, да провожать. Ужинать с ними, доски им отрывать от окон. Почему же не постарел дом? В чём его загадка? Хоровод мыслей кружил Галю, кружил, и почти уже унёс в царство крепкого сладкого сна, когда вдруг тишина в доме стала какой-то тревожно-острой. Была обычной тишиной, а стала гробовой. И в ней отчётливо послышался скрип пола на втором этаже, прямо у них над головами. Тот самый скрип, который нельзя ни с чем перепутать. Когда этот шум является отзвуком чьих-то шагов.

– Сынок, ты что, правда гулял по деревне с Адамовой дочкой? – мать, чтобы подчеркнуть своё недовольство, даже руки в бока упёрла.

Почему в деревне всегда все всё знают? Сразу же. Не успеешь выйти из дома, а о твоих передвижениях уже всем известно. Вплоть до того, под какой куст ты нужду справил.

– У Адама не было дочек, мама. У них с Евой было три сына. А Галю я проводил до дома. – Илья подумал. – Молоко помог донести.

– Смотри, отец, он шутит! Шутник нашёлся. Сколько уж было говорено, что неча там делать, в том проклятом доме. А он там сидит, чай распивает.

– Откуда ты? – распахнул глаза Илья. – Мам, да что ж такое-то, а!

– А что мама? Что мама? Люди всё видят. Всё-о! Не нужна она тебе!

– Да не нужен мне никто! А будете приставать ко мне – я уеду завтра.

– Вот и правильно, сынок! Вот и уезжай. А мы уж тут сами как-нибудь.

– Занавес! – подвел черту под разговором обалдевший от подобной заботы Илья, и ушёл к себе в комнату.

Лёжа на кровати в полной темноте, он думал о Гале. Почему она ничего не помнит? Кто так старательно стёр её воспоминания о детстве? А вообще-то, кто бы это не сделал – правильно всё. Трагедия Галиной семьи была жуткой, нетипичной для их тихих, спокойных мест. Не надо ей всего этого помнить. А Илья вот Галю помнил хорошо. И родителей её помнил. Они гуляли по деревне большой ватагой, от мала до велика. Галя была самой маленькой в компании, все её баловали, таскали по очереди на закорках, плели с ней венки. Провожали домой, и тётя Маша угощала их пирогами с молоком. А дом тогда выглядел ничуть не страшнее остальных домов. Что изменилось? И, главное, когда? Галя, которую он не видел больше тридцати лет, выросла в красивую женщину. Красивую, но, очевидно, не особо счастливую. С чего бы счастливой женщине приезжать в глушь с ребёнком и без мужа? Тут ведь даже работать негде толком... интересно, как они там сейчас, Галя с Тасей? Илья достал мобильный, посмотрел на время. Поздно. Спят уже, наверное. Он решил не выключать звук. Если девчонкам что-то понадобится, помощь, например, они дозвонятся. И что? Дозвонятся, и ты побежишь на помощь ночью в страшный дом? А куда деваться... он же не жалкий трус. Он мужчина, как ни крути.

Утром Илья не обнаружил никаких позывных в телефоне от соседок, а также не застал родителей дома. В огород вышли, что ли? Нет. Ушли куда-то с утра пораньше. На столе оставили хлеб, картошку, сало и квас. Отличный набор! Почему его мать никогда не готовит омлет? Интересно, всё-таки... Илья умылся, закинул в рот варёную картофелину, отломил горбушку от хлеба и пошёл к Гале. Шёл и понимал, что ему жутковато. Вот так придёт он к дому, а Галя с дочкой лежат у крыльца со свёрнутыми шеями. Эта картинка так чётко рисовалась в его голове. Илья отгонял её, а она снова возникала. Да что ж такое! Скорее бы уже дойти, что ли.

Тася сидела на крыльце. Рядом бутылка питьевого йогурта, сама носом в телефоне, всё как полагается – интересно, современные детишки вообще выпускают телефон из рук? Тася подняла голову на шорох прошлогодней травы под ногами Ильи, улыбнулась, положила телефон на крыльцо, подскочила и побежала навстречу Илье.

– Ура! – и обняла его.

Мужчина даже растерялся. Похлопал её по спине.

– Ну-ну. Всё в порядке?

– Да-а. – выдохнула Тася. – Завтракаю вот. Тебе вынести что-нибудь? Есть йогурты, сырки, печенье.

– Что, мама завтрак не готовит? – усмехнулся Илья, присаживаясь рядом с девочкой.

– Она дрыхнет.

Илья удивился.

– До сих пор?

– Ага. Пробормотала что-то типа «Всю ночь не спала, отстань», и отвернулась к стене.

– Понятно. Ну, тащи своё печенье с йогуртами. Я к вам торопился, и поесть не успел. Вообще, думал омлетом подкрепиться, но раз мама спит...

– Ты только не уходи! – насторожилась Тася. – Мама встанет и сделает омлет. Или я сделаю. Я умею!

Она принесла целую охапку молочки и магазинной выпечки, и они устроили настоящий пир. При утреннем свете солнца дом был просто домом. Да, подозрительно уцелевшим в своей заброшенности, но если не знать – так вообще никаких проблем. Они сидели на крыльце и болтали. Илья не имел намерений разговорить Тасю, само как-то получилось. И она рассказала обо всём. О своей болезни, маминой работе, её умершем начальнике Владиславе, об их отношениях, и о последствиях его смерти для Гали. Илья поразился, насколько всё хуже, чем

он даже предполагал. Нет, а что он хотел? От хорошей жизни не приезжают в далёкую глухую деревню.

– Это правда не лечится?

Тася вытащила его из невесёлых размышлений. Но Илья не сразу понял, о чём она говорит.

– Что?

– Моё заболевание... психика. – он не отвечал. – Мама сказала, что ты врач.

– Я хирург, Тась. В психиатрии не секу. Прости.

Ну не говорить же ей, что всё верно сказал доктор-психиатр. Медицина не научилась за столько лет исцелять душевнобольных. Всё, что можно сделать, это выписать таблетки и наблюдать. Пока смерть не разлучит, так сказать. Эта связь заболевания и пациента крепче любого союза. Вот и подумалось Илье именно так: пока смерть не разлучит. Глупость, конечно. Чёрный юмор. Надо бы как-то поддержать девчонку. Проще простого сказать: моя хата с краю. Я могу тебе аппендицит вырезать, а психиатрия – не моё. Но поддерживать Илья был не мастер. Это же не доски отдираешь голыми руками от оконных рам...

– Чего подельваете? – на крыльцо, зевая и кутаясь в плед, вышла Галя.

– Мам, ты чего? Тут тепло.

– Да? А в доме не очень.

– Мы тут вот... завтракаем. – показал Илья на остатки трапезы.

– Мама, Илья хочет омлет. Я могу сама сделать. Мы просто тебя будить не хотели.

– А знаешь, что? Сделай! Я бы тоже не отказалась от омлета.

Галя села на крыльцо, прислонилась к перилам. Тася убежала в дом, готовить омлет. Илья внимательно посмотрел на лицо женщины. Она была какой-то бледной и осунувшейся. Всего только ночь назад, поздним вечером, Илья уходил отсюда и видел перед собой красивую цветущую женщину. И что же случилось?

– Почему ты не выпалась?

– На новом месте всегда плохо сплю. – уклончиво ответила Галя.

– Все люди на свежем воздухе спят, как убитые. – сказал Илья. – А ты, значит, особенная у нас?

Галя пожала плечами. Ей было холодно и хотелось спать. Напала какая-то тоска, зудящая внутри о том, что она совершила ошибку. Что не надо было уезжать из Москвы. Ведь какие-то деньги у неё оставались от лучших времён. На несколько месяцев аренды вполне хватило бы. Можно было снять комнату вместо квартиры – это дешевле вдвое. И сидеть в той комнате, спокойно переждать бурю. И даже можно было бы правда подрабатывать официанткой. Да хоть курьером! Кем угодно работать и ждать, пока об её исполинском косяке перед Риммой Михайловной, имеющей вес в их сфере, все забудут.

Галя не успела уснуть ночью, потому что услышала шаги. Ей стало страшно. Она замерла, чувствуя холодок, разливающийся в груди. Шаги были лёгкими, спокойными. Звук перемещался. Через весь коридор второго этажа, и к лестнице. Гале стало просто невероятно жутко. Она хотела спрятаться под одеяло, но решила, что это уж слишком. Галя лежала, застыв от ужаса, и ждала, что будет дальше. А шаги проскрипели по ступенькам вниз и смолкли. Тишина снова стала абсолютной. Галя включила фонарик на телефоне, повернулась к лестнице и осветила туда. Второй рукой она зажимала себе рот. Чтобы не закричать от того, что может увидеть около лестницы. Но там ничего и никого не было. Пустая лестница. В комнате никого, кроме них с Тасей. Галя осторожно поводила фонариком по всему помещению – никого. Ничего. Она прилегла на подушку и глубоко подышала. Закрыла глаза. Свет фонаря раздражал и сквозь закрытые веки. Нет, так не уснуть. Да и батарейка сядет. Галя выключила фонарик и перевернулась на бок. Она вслушивалась в тишину. Ничего. Галя начала считать вдохи-выдохи, чтобы

не думать о плохом, расслабиться и уснуть. Хотя хотелось ей молиться, но беда была в том, что молиться она не умела. Сон начал подползать издали, касаясь кончиков волос. Ещё немного, и она провалится в счастливое небытие часов на шесть... скрип. Скрип. Шаги шли по ступеням вверх. Галя чуть не завывала, вцепившись зубами в одеяло. Не было бы с ней Таськи, она бы давно выбежала из дома прочь. В трусах и футболке, как была. Но не может же она убежать, бросив тут своего ребёнка? Шаги достигли второго этажа, пересекли коридор и стихли. Галя ждала второго раунда. Когда пол в коридоре снова проскрипит от окна к лестнице, а потом ступени проскрипят вниз. И через какое-то время обратно. Не дождалась, как ни странно. Но уснуть до утра ей не удалось. Галя уснула, когда утро уже всюду разгуливало по деревне и заглядывало в окна, нарядившись в солнечный сарафан. Сейчас она чувствовала себя из рук вон плохо. Как после долгой и продолжительной болезни. Может, вкусный завтрак и крепкий кофе немного помогут?

– Мама, Илья, готово всё идите за стол.

– Какая у тебя помощница растёт. – отметил Илья.

Он встал и протянул ей руку. Илье показалось, что Гале нужна помощь. Что сама она не встанет с крыльца.

Тася неплохо справилась с омлетом. Они с Ильёй говорили, шутили, смеялись. Нужно было спросить, не забыла ли дочь выпить таблетки, но даже жалко было такой прекрасный дружеский завтрак портить напоминанием о транквилизаторах. Отламывая вилкой кусочки омлета и запивая его остывающим кофе, Галя с удовольствием наблюдала за своим ребёнком, живым и общительным, совсем как раньше, до психушки. Наблюдала за мужчиной, которого она до вчерашнего дня вообще не знала. Но с которым рядом было спокойно. Ночь ужасов, прожитая Галей сегодня, казалась просто страшным сном. Может не зря Таська вчера просила Илью остаться у них на ночь. Надо было поддержать эту идею. Но ведь он не согласился бы, скорее всего. Хотя, утром Илья первым делом пришёл к ним. И спасибо ему за это.

Надо выбираться из этой деревни. Идея была плохой. Чего ей вообще в голову пришло сюда тащиться, и ребёнка тащить? Но Галя знать не знала о том, что их дом имеет дурную славу. Его нужно продать! Точно. Дом купят, и у Гали будут ещё деньги на то, чтобы пережить сложные времена. Так она и поступит. Сегодня же вывесит объявление на ЦИАН, Авито, и прочие ресурсы. Правда, придётся сидеть тут, пока дом не купят. Галя сделает всё, чтобы это не затянулось надолго. Она напишет привлекательное объявление – уж это-то она умеет. Земля в Подмосковье стоит денег, а у них тут соток тридцать точно, не меньше. Правда, нужно обновить все документы. Тётя Злата что-то оформляла на неё, на Гаю, ещё в девяностые, когда была принята земельная реформа. Но для продажи документы надо довести до ума. Тётка! Она не перезвонила, и не появилась в сети – уведомления не было. Странно как-то. Галя вытащила телефон и набрала номер Златы. Не абонент. А вот дома у Златы сняли трубку. Женщина. Но это была не Злата...

– ...говорите, алё! Вас не слышно.

– Злата? – всё-таки спросила Галя.

За столом стало тихо. Илья и Тася примолкли и смотрели на неё.

– Нет. А кто спрашивает?

– Это Галя. Племянница её.

В трубке стало тихо, а потом возник мужской голос.

– Галка, привет. Мать умерла.

– Что? – она не поверила своим ушам. – Когда?

– Да с полгода уже как.

– Но почему ты мне не позвонил? – возопила Галя.

– А зачем? В завещании тебя нет. – хохотнул Артём.

– Тёма, ты мудака! – злобно выговорила Галя, и отключилась.

Ей было больно. Да, она не бывала у тётки годами. Как-то всё не до того было. Своя жизнь. Ребёнок, любовь, работа. Но как же можно вот так не сообщить Гале, что умерла женщина, которая растила её? Ну Тёма, ну и сволочь. Вот результат того, как Злата выделяла его, баловала, ничего делать не заставляла, лучший кусок ему подсовывала. А Гале кнут и тяжёлый труд. Понятно, почему Артём не сообщил ничего ей. Он Галю и за сестру-то не считал. Принеси-подай-пошла вон. Галя бы заплакала, но не было сил. И кофе не помог.

– Мам, ты чего ругаешься? – спросила притихшая Таська.

– Ничего, солнце. Бабка Злата твоя умерла. А мне и не сообщил никто даже.

– От чего? – вытаращила глаза Таська.

– Ох... я даже и не спросила. – ещё больше расстроилась Галя.

– Мама, ты что-то совсем расклеилась. – они с Ильёй переглянулись. – Ляг, отдохни. Я тут сама всё уберу.

– Спасибо. Простите меня.

Галя легла на диван. С пледом она не расставалась с тех пор, как встала. Почему ей так холодно? Подошёл Илья, присел в кресло рядом с диваном.

– Галь, ты как себя чувствуешь вообще? Не хочешь мне рассказать, что тут было?

Она посмотрела на него максимально удивлённо.

– Ой, да брось! Ты вечером была цветущей женщиной, полной сил. А с утра похожа на пациента Бухенвальда.

Галя начала смеяться. Это было плохо, цинично, бессовестно, но ей вдруг стало невероятно смешно. Даже горе отступило. И страх.

– Чего ты ржёшь? – нахмурился Илья.

– Ты точно врач! В Бухенвальде были узники, заключенные. Точно не пациенты.

– Я бы поспорил. – серьёзно ответил он. – Там ставились чудовищные медицинские опыты над людьми. Так что, завязывай ржать, и рассказывай. Почему ты не спала? Быстро, пока Таська там с посудой возится, гремит.

– Ладно. Но если я расскажу – ты сбежишь. Сразу же.

– Не надо за меня решать. Говори.

– Тут были шаги. – поведала Галя страшным шепотом. – В доме. Наверху. А потом по лестнице вниз. И обратно. Я светила фонариком. На лестницу. Но никого не увидела. Мне было невозможно страшно, но я решилась. Никого. Ну, а потом оно ушло обратно, и всё. Я ждала, что будет снова. Не дождалась. Но и не уснула уже.

Она потерла лицо руками.

– Я поседела, наверное. Даже не посмотрела. Поседела, да? – она наклонила голову.

Илья посмотрел. Галя не поседела. Он не сомневался, что эта женщина – крепкий орешек. И её слабость – это временно.

– Не поседела.

– Не зря тебя вчера Таська ночевать оставляла. Теперь я это понимаю. Только... ты бы ведь не остался, да?

Илья покачал головой. Хотел сказать Гале, что им с Таськой тоже нечего делать в этом подмосковном Амитивилле. Не успел. Вбежала Тася. В руках у неё была старая деревянная рамка, в которых обычно вешали фото на стену.

– Смотрите, что я нашла. Кто это, мам?

Она сунула Гале рамку. Галя смотрела на фотографию одну секунду.

– Ну, ты чего? Это же бабушка с дедом твои. И я. Я тебе их показывала. У меня такая же фотка есть.

– Не такая! – Тася взяла рамку с фото обратно. – Это мама твоя, это папа, это ты – по платью узнаю. А это кто?

Палец дочери завис над изображением. Галя всмотрелась. Она не сразу заметила – на фото был четвёртый человек. Ребёнок. Ещё одна девочка. Как две капли воды похожая на Галю. Только платье другое – воротник другой и узор тоже. У Гали острые уголки воротника и ромбы на ткани. А у второй девочки – круглый воротничок и на платье крупный горох. Но в остальном... это была абсолютная копия маленькой Гали!

– Боже, кто это? – она подскочила на диване.

– Я не знаю. У тебя спрашиваю. – ответила Тася.

– Я знаю. – встрял Илья, мельком взглянув на фотокарточку в рамке. – Это Валя.

Они обе смотрели на него глазами пришельцев.

– Валя. – повторил он. – Твоя сестра-близняшка.

Адамовка, 1988 год

Маша возвращалась с почты, где у неё состоялся непростой разговор с сестрой. Она жаловалась Злате на жизнь, которая последнее время стала странной, грозя превратиться в страшную. Мария чувствовала это всей душой. Всё до недавних пор было хорошо: дом, хозяйство, муж, дочери. Витя трудился в Москве, домой приезжал только на выходные. Зато Маше вовсе не приходилось думать о работе: она вела дом, хозяйство, да приглядывала за близняшками, Галей и Валец. Как-то раз Витя приехал с работы смурной.

- Что такое? – всплеснула руками Маша. – Рассчитали?
- Дура-баба. Чего сразу плохое думаешь? Никто меня не увольнял.
- Я же вижу, ты расстроен...
- Так... мелкие неприятности. Не бери в голову.

А ночью, когда они, соскучившись за неделю, любили друг друга, а после лежали, обнявшись, Витя вдруг крепко прижал жену к себе, и сказал:

- Знай, Машка, я люблю тебя.
- Я знаю... – расслабленно прошептала она.
- Только тебя! И девочек. Если кто скажет тебе, что это не так – плюнь в рожу ему.
- Вить, ты чего? Изменил мне? – ахнула Маша.
- Не верь никому. Тебя люблю. Не изменял. – уверенно сказал Виктор.

У неё кольнуло в груди. Но Маша тоже так любила его... как можно было не поверить мужу? Отцу её детей? Она постаралась забыть об этом разговоре, а на следующие выходные Виктор вернулся из столицы просто мрачнее тучи. Маша посадила девочнок осваивать лото, а мужа увела к сараю.

- Вить, скажи мне всё, как на духу. Что с тобой?
- У нас просто... коллега умерла. Несчастный случай. Был на похоронах. Приятного мало. – Витя потёр грудь. – Водка есть?
- Наливка есть.
- Слабовата. Сбегай, купи водки. Мне как-то не по себе.

Маша водки купила. Уж слишком плохо выглядел муж. Бежала за водкой, и дивилась – чего ж он так переживает из-за смерти коллеги? Что так расклеился...

Ночью её разбудили голоса. Точнее, конкретно голос Виктора. Он слышался из коридора. Муж иступлённо повторял одно слово: прости! Вот так: «Прости! Прости! Прости! Прости!» Маша хотела было уже выйти в коридор, откуда доносился голос, но вдруг услышала скрип половицы и шелест, а потом мимо открытой двери прошла белая тень. И от этого силуэта, на мгновение мелькнувшего перед глазами, Марию обуял такой ужас, что она малодушно спряталась под одеяло с головой. Женщина тряслась, как осенний лист на ветру, не понимая, сколько времени прошло. Как уснула – тоже не помнила. Просто открыла глаза, когда Валя тихонько потрясла её за плечо. Рядом храпел Виктор, в комнате витал запах перегара, за окном рассвело.

- Мама, идём завтракать. Мы с Галькой всё уж приготовили. И Дунька мычит, надоена. – с самым серьёзным видом заявила Валя.
- Хорошо, доченька, иду уже. Спасибо, помощница моя.

Виктора Маша будить не стала. Спустилась, умылась, и пошла к столу. Её четырёхлетние дочери уже всюю могли заварить чай, достать молоко и колбасу из холодильника, нарезать хлеб. Если надо, могли подмести в доме, и прополоть сорняки. Правда, от Вали было больше толку. Галя всё старалась отвертеться от домашних дел, да залезть куда-нибудь с книжкой. Она читала, да не по слогам и вслух, а бегло и про себя. Вечно притаскивала разные книги отовсюду. Всех соседей уж обобрала, наверное. И откуда в ней это?

Сегодня Галя возилась в кухне. Высунув язык от усердия, резала колбасу. Мария чмокнула дочку в макушку, проходя мимо, и села за стол. Налила всем чай, взяла бутерброд.

– Хватит уж пластаться, Галюнь. Не хватит колбаски – я подрежу потом.

– Я почти уж всё. – пропыхтела Галя. – Надо сказать папе, чтобы нож наточил.

– Не надо. Мне так спокойнее. – улыбнулась Маша.

Что-то тревожило её в то утро. Свербело и чесалось в голове. То ли мысль какая, то ли воспоминание. То ли сон плохой снился.

– Ой, а где папа-то? – обернулась Галя. – Не разбудили, что ли?

– Я уж сам разбудился. – Виктор спускался по лестнице, потирая рукой висок.

Они завтракали в тишине. По тому, как морщился Виктор, было очевидно, что с исцелением беленькой он вчера переборщил. Маша молчала, и девочки тоже старались помалкивать. Только Валя спросила:

– Мам, тебе помощь нужна?

– Да нет, сегодня вроде сама должна управиться.

– Ну, мы тогда гулять пойдём?

– Я бы почитала лучше. – вздохнула Галя.

Мария решила, что должна поговорить с мужем. Лучше без свидетелей.

– Галя, сходи с сестрой, погуляй. Не ходите по одной.

– С чего вдруг? – отозвался Витя. – У нас тут спокойно. Маньяков нету.

– Сходи, Галя. – повторила Мария, и муж лишь взглянул на неё с удивлением.

Девчонки убежали на улицу, и Маша открыла было рот, чтобы начать разговор, как Виктор её опередил:

– Водка, что ли, палёная была. Ты где брала?

– Как понять – где? – изумилась Маша. – В сельпо, где же ещё. Почему палёная-то?

– Да смешно сказать. – хмыкнул муж и снова потёр висок. – Я вчера с неё даже вроде как белочку словил.

– Как то? Померещилось, что ли, чего?

– Да навроде того...

Виктор кривовато улыбался, но Маша, которая знала его с яслей, видела: мужу не до смеха. Ему страшно. Она даже забыла всё то, что хотела сказать ему сама.

– Что привиделось, Вить? – Мария положила руку ему на плечо, и явственно ощутила, как Виктор вздрогнул.

– Привидение, ёлки-палки. Что ещё привидеться могло?

– Голова болит?

– Есть такое.

– Ну, поспи ещё. – вдохнула Маша. – А я Дуньку подою, принесу тебе свеженького. Молоко хорошо бодун снимает.

– Маш... погоди. – поймал он её за руку.

– Что? Некогда рассиживаться. Девчонок отпустила, надо управиться по-быстрому, да обед варить.

Ладно. Поговорит с ним потом. С него, с такого похмельного, всё равно толку мало. А Марии очень было интересно знать, что так задело лично Виктора, если умерла просто коллега. И как она умерла? Сколько лет ей было? Все эти вопросы крутились у неё в голове. А ещё она вспомнила, что так зудело в её голове: ночью был странный сон. Будто Виктор просит у кого-то прощения. Громко, отчаянно, на одной ноте. И этот кто-то у них в доме. Шаги и шелест платья. Тень, проскользнувшая мимо двери в спальню. Сон был до мурашек правдоподобным. Или это был не сон?

Девчонки в обед прибежали, перемазанные, перехватили по стакану молока и куску пирога, и снова убежали гулять. Виктор пришёл в себя, и что-то строгал у себя в сарае. Может

наконец-то пол в коридоре переделает, чтобы не скрипел? На втором этаже половица ночью так скрипит, что и по нужде лишний раз идти неохота, чтобы весь дом не будить. Мария убрала в доме, наварила плова на ужин, и решила сходить в сарай, напомнить мужу, что он давно обещал перестелить пол. Не слышно было, чтобы в сарае работали, но что-то там явно происходило. Маша издали не могла расслышать, что за странные звуки оттуда доносятся. Она вдруг замерла, сняла галоши, и босиком, на цыпочках, двинулась к сараю, не обращая внимания на камушки и траву, царапающие ноги. Чем ближе Маша подходила, тем более странным ей казалось происходящее. Из-за полуприкрытой дощатой двери доносились вздохи и всхлипы. Она перестала дышать, чтобы вообще никак себя не выдать, сделала ещё пару шагов и одним глазом заглянула в щелку. Виктор сидел на полу, прислонившись к стене, и плакал, уткнувшись головой в колени.

Маша таким же тихим сапом отошла обратно к дому, не забыв прихватить галоши, сброшенные на полпути. Вот так номер! Кого же так горько оплакивает её любящий муж? «Люблю только тебя!» – всплыли у Маши в голове его слова. Или как он там сказал? Люблю тебя одну? Нет, ночью она с ним поговорит, это точно. Девчонки уснут, они сядут спокойно в кухне, и он ответит ей на все вопросы. Маше всё это не нравилось! Ужасно не нравилось. В груди ныло. Неужели, Витя нашёл себе в городе другую? И это она погибла? Ужас-то какой, Боже мой! Как же жить-то дальше? Хоть самой садись и реви... вот только ей-то плакать недосуг, у неё ещё белёз не полоскано. И Маша, засучив рукава, принялась за стирку.

Вечером, за ужином, девчонки без умолку болтали о том, как прошёл день. Особенно Валя. Родители обычно слушали вполуха. А Маше так и вовсе было сегодня не до жмурок с прятками. Она всё обдумывала предстоящий разговор с мужем, как внезапно за столом стало как-то слишком громко.

– Что? Где? Ты спятила? – Виктор, совершенно бледный, смотрел на Валю. – Я сколько раз говорил: не разговаривать с незнакомыми!

– Что происходит? – не поняла Маша, но муж не обратил на неё никакого внимания.

– Ну? А ты где была? – он злобно смотрел на Гаю.

– Книжку читала. Там же, на берегу. – дрожащими губами вымолвила Галя.

– Папа, но она же знакомая. Она тебя знает... – начала было возражать Валя.

– Молчать! – заорал Виктор, и стукнул по столу. – Тебе – не разговаривать с незнакомыми. Тебе – не отходить от сестры!

Дети заплакали, муж вылетел из-за стола, и как ошпаренный ринулся на улицу. Маша сидела, и ничего не понимала. И что делать не знала. То ли бежать за Виктором – ума он, что ли, лишился? А то ли успокаивать девчонок. Она посмотрела, кто из дочерей больше расстроена. Сильнее плакала Валя. Маша взяла её, посадила к себе на колени, и начала качать, как маленькую.

– Тс-с-с. Папка напугал. Не плачь. У него просто голова сегодня болит.

– Не-ет. – тихонько проплакала Валя. – Он просто ругается, что я с тётёй говорила.

– С какой тётёй?

Валя молча плакала.

– А? – спросила Маша у Гали.

Та уже почти успокоилась. В ответ она лишь пожала плечами, и повторила.

– Я книжку читала. Не видела ничего.

– С какой тётёй, Валюш?

– С тётёй Аллой. Она была на берегу. Просто поговорили, ничего такого. Зачем так кричать?

Валя тоже начала успокаиваться, и её речь стала более внятной. На берегу озера дочка встретила какую-то женщину и поговорила с ней. Ну... может и не лучшая идея. Но зачем так орать?

– А эта тётя, Валь, она не местная?

– Как это? – не поняла девочка.

– Она из нашей деревни?

Валя помотала головой.

– Точно нет? И ты никогда её тут не видела?

– Точно нет. И точно не видела.

– Тогда папа прав. С незнакомыми говорить нельзя.

– Но она сказала, что знает папу! Спросила: «Ты – Валя? Витина дочка?»

– Так... а ты что?

– Я ответила: «Да». А она сказала, что у неё тоже могла быть такая дочка. Но не будет уже. Никогда.

Последнее слово Валя вымолвила тихо и с придыханием, словно подчеркивая его таинственную трагичность. Никогда! И что бы это всё значило?

– Странная она. Без галош, без куртки. В платье одном. Я её спросила: «Вам не холодно?»

Без галош, без куртки? В эту пору? Да это какая-то сумасшедшая! Господи, хорошо, что обошлось! Маша крепко прижала Валу к себе.

– Так. А тётя ответила что-нибудь?

– Да. Она сказала: «Тут не холодно». Но там было холодно. И ветер.

– А потом что?

– Потом Галя спросила, с кем я разговариваю. Я повернулась к ней. А когда обратно на тётю посмотрела, её уже там не было.

– Да не было там никакой тётки. – уверенно сказала Галя. – Валька сама с собой говорила. Фантазёрка.

Любовь к чтению книг давала свои плоды. Словарный запас Гали был гораздо более обширным, чем у сестры.

– Сама фанзёрка! Я ничего и не выдумываю! Была тётя! – крикнула Валя с обидой.

– Ладно, девочки. Смотрите друг за другом. И не разговаривайте с незнакомыми. – Валя пыталась возразить. – С теми, кого не знаете, кто тут не живёт, – никаких разговоров. Это понятно?

Они покивали, и ушли наверх. Маша убрала со стола. Куда подевался её муж? Неплохо бы ему объяснить всё, что с ним происходит. В том числе, от чего Виктор так взбеленился на девочку. На Машин взгляд, ни одна из них ничего криминального не сделала.

Витя пришёл домой к ночи. Вид у него был такой мрачный, что Маша не стала ничего спрашивать. Отвернулась к стене, и делала вид, что спит. А потом и правда уснула – усталость взяла своё. В воскресенье нужно было приготовить Виктору одежду на неделю, разобраться с хозяйством, всех накормить, – хлопоты захватили её целиком. Было не до разговоров. А вечером Виктор уехал в Москву.

Ночью Марии спалось плохо. Её как будто преследовал скрип половицы, которую муж опять не отремонтировал, чтоб ему. Шаги и шорохи. Шелест и тени. Маша прислушивалась, в страхе, что девочки тоже что-то такое почувют, и позовут её. Но из их комнаты не доносилось ни звука. Или ей просто не слышно? Встать бы, пойти, проверить... но ужас сковывал её по рукам и ногам.

Утром за завтраком Валя заявила:

– Она к нам приходила!

– Кто? – не поняла Маша.

– Тётя Алла. В том же платье. И ночью ей не холодно! Говорит, нет. Говорит, там не холодно, и я сама потом узнаю. Вот. – Валя развела руками.

– Подожди... к нам? Сюда домой приходила какая-то женщина? Я же дом заперла! Такого не может быть. На засов замкнула.

– Мам, не слушай её, она болтала во сне. – с полным ртом пояснила Галя.

– А вот и не во сне! Врёшь ты всё. – и Валя вдруг сильно стукнула сестру ложкой по голове.

Маша опешила. Никакой агрессии никто из девочек ни разу не проявлял.

– Что ты творишь? – она вырвала у Вали ложку.

Галя схватилась за голову, и пыталась не разреветься, сцепив зубы. Маша подскочила к холодильнику, вытащила кусок мяса из морозилки, приложила к Галиной голове.

– Больно?

– Нет. – с вызовом сказала Галя. – Валька – дура!

– Ты точно уверена, что во сне? Никого не видела в комнате ночью?

– Я спала. Слышала, что она во сне бормочет что-то. Не видела никого.

– Ладно. Ладно! Посидите тут. Я сбегаю на почту. И не обижать друг друга! Это ясно? – прикрикнула Маша.

Девочки покивали. Она подумала, может взять их с собой? Или Валию взять, а Галя пусть сидит читает. Ладно! Она быстро.

Поминутно оглядываясь, понимая, что кто-то её всё равно да услышит – что делать, деревня, – Маша по телефону вкратце рассказала сестре события последних дней, начиная со странного признания Виктора.

– Ты будешь думать, что я дура, но у меня тоже чувство, что в доме кто-то есть! Как будто он с собой привёз что-то. После тех похорон.

– Я не знаю, что там у вас происходит, но что ты от меня хочешь? Чем я могу помочь? – спросила Злата после паузы.

– Не знаю. – Маша всхлипнула. – Мне просто страшно!

– Ну, собери девчонок, приезжай ко мне погостить. Что я ещё могу предложить?

– Как я приеду? У меня куры, корова. Огород. Надо остатки собирать, перекапывать всё.

– Да неужели во всей деревне некого попросить приглядеть за твоим хозяйством несколько дней? Мы же не в тыще километров живём, поди. Всего-то в сотне с небольшим.

– Злата, приезжай ты к нам!

– Ну, нет, дорогая моя. У меня работа, и отпуск нескоро. И потом, у кого муж странно себя ведёт? У меня его вообще нет! И слава Богу. Одни проблемы от мужиков. Давай, найди там, кто присмотрит за твоей коровой, и приезжай хоть на пару дней. Поговорим обо всём обстоятельно. Я тут пока попробую узнать, кто умер в конторе у Витеньки твоего. Я ж его на работу-то устраивала.

– Ладно... Я попробую по соседям поспрашивать, может кто и согласится Дуньку покормить-подоить.

По пути домой Маша забежала к ближайшей соседке, Аньке, и попросила её приглядеть пару-тройку дней за коровой, начиная со вторника.

– Съезжу к сестре в Москву.

– Да поезжай, конечно! Чай не чужие. Сочтёмся!

Весь день она прокопалась на огороде, пытаясь побольше сделать, да потом ещё собирала чемодан с вещами, чтобы ехать в Москву. Девчонки прыгали, в предвкушении поездки в большой город, и встречи с двоюродным братом Тёмой. Кое-как помыв их и уложив спать, Маша буквально свалилась с ног, и вырубилась. Спала она в ту ночь, как убитая. А утром обнаружила, что Вали в доме нет. Галя на месте, а Вали – след простыл. Как не было. Входная дверь была закрыта изнутри на засов. Но на первом этаже одно окно оказалось открытым. Приехавшая по вызову милиция нашла следы босых детских ног на земле под окном. Следы удалялись от дома. Привезли служебную овчарку. Она понюхала Валину кофту, потыкалась носом в следы, и потащила милиционера к озеру. Все двинулись за ними. Маша шла, как робот, еле переставляя

деревянные ноги. Подбежав к озеру, овчарка села у воды и протяжно завывала. Милиционеры многозначительно переглянулись. А Маша без сил опустилась на холодную осеннюю траву и горько расплакалась. У неё ещё была какая-то надежда. А тут вдруг не стало. Исчезла. Утонула в остывающей сентябрьской воде.

Машу долго терзали мужчины в гражданском, которых пригласили местные, те, что в милицейской форме. Где она была, да как не доглядела. Да кто ещё был в доме. Ей и без того было невыносимо муторно и тошно. Виктору бы сообщить, что пропал их ребёнок, а её всё не отпускали и не отпускали. А она думала о своём. О том, как вообще сообщить мужу такое по телефону. Время стремительно приближалось к обеду, корова мычала с переполненным выменем, соседи околачивались рядом с домом, голодная Галя ходила, как неприкаянная, а к Марии всё приставали с расспросами. Она вдохнула поглубже, выдохнула, и спросила:

– Вы искать-то будете? Или так и собираетесь ко мне цепляться? Я ещё даже мужу не сообщила.

– Да мы будем искать, будем. Только если бы она куда по земле ушла, то собака бы след взяла.

Надо же. Аккуратные какие. Ходят вокруг до около.

– Ну, так а если утонула, – Маша выговорила это, и почувствовала, словно её лёгкие заполняются водой, – в озере разве искать не надо?

Они пробормотали что-то про водолазов и отряд из местных добровольцев в лесу, а потом снова вцепились в Машу.

– Мария, Валя могла сама открыть окно?

– Нет! Шпингалеты были закрыты и сверху, и снизу. Открывались туго. Сама не могла!

– Так кто же ей помог тогда, если кроме вас никого дома не было? Или вы забыли их закрыть?

И так по кругу. И ведь уже полдня, Боже ты мой!

– Хватит. – решительно сказала Маша, и встала. – Вы меня в чём-то подозреваете?

– Нет, мы просто пытаемся разобраться...

– А на нет и суда нет! – перебила следователя Маша. – Ищите моего ребёнка. Не тратьте время. Я пойду звонить мужу.

Она тащила Галю за руку до почты, боясь отпустить хоть на минуту.

– Мама, больно! – дёрнула руку девочка.

Маша присела на корточки, обняла Галю, прижала к себе, и вновь дала волю слезам.

– Прости меня, доченька. Прости. Прости. – бормотала она сквозь слёзы, уткнувшись носом в Галино плечо.

– Mam, с Вале́й плохое случилось, да? Самое страшное? Она не вернётся?

– Нет, что ты, Галюся. Конечно нет! Дяденьки из милиции найдут Вале́ю, обязательно найдут.

– Не найдут. Её та тётя забрала.

– Ты что? Видела кого-то ночью? – встряхнула Маша дочку за плечи, заглядывая прямо в глаза.

– Нет. Я спала. Но больше-то некому.

Галя развела руки в стороны, подтверждая, что точно больше некому.

– Меньше книжки свои читай. Начитаешься, а потом чушь мелешь. Пришли уже. Стой рядом, я позвоню.

Маша позвонила сначала на работу Виктору, там сказали, что сейчас он на объекте – подойти не может. Она велела передать мужу, что дома беда – пусть срочно возвращается. И позвонила Злате, рассказала всё ей.

– ... а мы ведь сегодня к тебе выезжать собирались. – закончила рассказ Мария.
– Чертовщина какая-то... немедленно собирайтесь и к нам. – распорядилась Злата на правах старшей сестры.
– Что ты! Я не могу теперь. Вдруг её найдут?
– Я не думаю, что её найдут. А вот вы в опасности. Машка, не глупи! Найдут – сообщат, оставь в милиции мой номер. Вам сейчас о себе думать надо.
– Ладно, Злат. Я подумаю. – она вздохнула. – Плохо как мне. Ужасно. Как подумаю, где там сейчас кровиночка моя? А вдруг живая она? Маму зовёт?
– Тьфу ты! О Галке подумай. Где она, кстати?
– Тут. Глаз с неё не спускаю.
– В общем, я вас жду! Это самое правильное сейчас. Если в доме творится что-то неладное, самое верное – убраться из этого дома.

Маша шла домой, низко опустив голову. Она чувствовала, как от слёз намокает платье на груди. Да уж промокло насквозь всё! Не надо бы реветь, Галю пугать. Только что с собой поделаться-то? Тошно, хоть вой.

Корова молчала. Оказалось, её подоили – ведро с молоком стояло тут же. Видимо, соседка Анька сподобилась. Маша умылась сама, умыла Галю, накормила её то ли завтраком, то ли обедом. Надо было дальше хлопотать, но сил не было. Да и не хотелось ничего делать. Мария прислушивалась к звукам вокруг: вдруг раздастся топот детских ножек, и Валя закричит:

– Мама, я пришла!

В доме стояла тишина. Какая-то зловещая и липкая. Маша почувствовала, что хочет спать. Что это с ней? Сроду она днём не спала. Нервы, наверное.

– Галь, пойдём, поспим?

– Я не хочу. – возразила дочь. – Я читаю.

– Ну полежим. Ты считаешь, а я может и усну. Клонит что-то.

Они устроились в детской. Галя с книжкой, а Маша обняла её и уткнулась носом в хрупкое плечико.

– Спи, мам. Не волнуйся за меня. Я никуда не денусь. – серьёзно заявила Галина, и снова засунула нос в книгу.

И в кого она такая читательница? Сроду у них не было любителей книг. Разве что только её прадед, Машин дед. Только когда то было! Галя его и в живых-то не застала.

Маша пересекла границу яви и сна, не заметив этого. Во сне она также лежала на кровати в детской комнате, только одна. Без Гали. Лежала, бездумно смотрела в потолок, когда вдруг услышала долгожданные звуки: топот ножек. Она знала, что это не Галя. Точно знала: пришла Валюшка. Шажки проскрипели по лестнице и приближались к комнате. Валя вошла в комнату, держа в руке любимую игрушку-собачку. И девочка, и Рекс были насквозь мокрые – с них на пол стекала вода. Маша силилась открыть рот, и спросить у Вали, где же она так вымочилась, но не могла произнести ни звука. Валя заговорила первой:

– Мама, она меня обманула. Там холодно.

– Кто обманул? Где холодно, Валечка? – смогла наконец-то выдать себя Мария.

– Мне очень холодно, мама.

Валя протянула к ней руку, а Маше стало страшно. Она вздрогнула, и открыла глаза. Гали рядом не было.

– Галя! – закричала Маша, как сумасшедшая, и подскочила с кровати. – Галка, ты где?

Маша поскользнулась, и растянулась на полу. По лестнице затопали, в дверях показалась Галина.

– Что такое, мам? Я в туалет ходила.

Мария, как безумная, ощупывала пол, на котором вдруг стало так скользко. Скользко, потому, что стояли лужи воды, словно кто-то выжал простыню. На том месте, где в Машинном сне стояла мокрая Валя, была вода. Словно это был не сон. Как будто Валя и правда тут стояла, и говорила, что ей холодно ТАМ. Где – там? Кто обманул её девочку? Кто обманом увёл её и куда?

– Ты видела кого-нибудь? Видела? Ты давно вышла отсюда? Кто входил в комнату? – трясась, спрашивала Маша.

Низ её платья был насквозь мокрым, с рук капала вода.

– Я только до ведра ходила. На улицу не пошла. Никто не приходил, мам.

– Как же не приходил? Как же не было никого?! Вот, видишь, вода? Это с неё... с неё натекло. Она была тут.

И тут Маша упала лицом на мокрый пол и страшно завывала, уже не думая о том, что пугает Галю.

Виктор явился ближе к ночи. Выслушал сбивчивый Машин рассказ. Стал ещё мрачнее, если такое вообще возможно.

– В лесу искали?

– Местные ходили. Пока меня тут допрашивали. Напрасно всё это, Вить. Не было следов к лесу. У озера они обрываются.

– А в озере что?

– Они что-то говорили. Мол, сейчас некому нырять. Но будут иметь в виду. Или... или сама всплывёт. Думаешь, я их слушала, что ли? Да у меня гул в голове сплошной! Сердце как сжало, так и не отпускает. Не могу ничего ни делать, ни думать. Тошно мне, Витя...

Муж молчал.

– Скажи что-нибудь хоть?

– Завтра сам нырять пойду. А ты иди в лес.

– С Галей?

– Хоть бы и с Галей.

От Виктора веяло каким-то обречённым равнодушием. Это очень больно задело Машу.

– Всё ж хорошо было. Жили. Пока ты каяться не начал. В любви мне признаваться. Потом похороны эти. Говори! Кто у тебя умер?

– Устал я. – Витя встал из-за стола. – Спать пойду.

– Говори! – Маша вцепилась ему в рукав. – Женщина другая, да? Что с ней случилось? От чего она умерла? Что у вас было?

Железной рукой Виктор разжал Машины пальцы. Так, что она вскрикнула от боли. И ушёл наверх, не оглядываясь.

Ночью Маше долго не спалось, а когда глаза начали слипаться, она услышала шаги. С вечера женщина легла в Галиной комнате. В Галиной... в комнате девочек. Ей не хотелось видеть Виктора, и разговаривать с ним. А среди ночи муж ни с того, ни с сего, начал ходить по дому. Даже выходил куда-то ненадолго. Что ж ему не спится-то? Маша ждала, когда он утомится и ляжет, но услышала, что Виктор идёт к ним.

– Что такое? – она вышла из комнаты и притворила за собой дверь.

Маша всматривалась в темноту. Выключатель был у лестницы – Витя не зажгёт свет.

– Спустимся. – глухим голосом сказал он.

Следуя за ним по лестнице, Маша с ужасом обнаружила, что у Виктора в руках ружьё. Она замерла.

– Что ты задумал?

Он обернулся на мгновение.

– Идём. Не бойся.

И пошёл дальше.

В кухне он усадил её около окна, а сам уселся напротив. Поставил ружьё на пол, прислонив его к стулу. Стёр слёзы с потемневшего лица и заговорил:

– Она у нас бухгалтером работала. Виделись только в день зарплаты. Как-то был дождь, смотрю – она без зонта мимо топаёт. Мы с мужиками вечером курили у барака. Предложил проводить. Так и закрутилось.

– Ты любил её? – с ужасом спросила Маша.

– Сам не пойму. Ещё неделю назад я бы точно сказал тебе: нет. А сейчас какой смысл врать уже? Неделю назад я и подумать не мог, что ты узнаешь. Но коли уж до такого дошло... не знаю. Рядом с ней казалось – люблю. Возвращался к вам – забывал о ней.

– Как ты мог?!

– Ну ты спросила! Когда бы я знал... само получилось.

– Как её звали?

– Алла. Алла Витальевна.

– А потом... что?

– Потом... – Виктор потёр лоб. – У нас табака нету?

– Ты же бросил.

– Сейчас бы не отказался.

Маша встала. Нашла глубоко в ящике шкафчика коробку с табаком и газету, протянула Виктору. Он не спеша свернул самокрутку, закурил.

– Потом она сказала, что беременная. Что я должен что-то решать. Что я должен был решать? Я ничего ей не обещал. У нас никогда не было разговоров, что я брошу семью. Так я и сказал. Что придётся ей дальше без меня.

– То есть, просто бросил её? – жёстко спросила Маша.

– Да. – коротко взглянул на неё Виктор поверх дыма. – Я её просто бросил.

– А она что?

– Она повесилась, Маша.

– Боже мой... беременная? Повесилась? Грех-то какой!

– Хоронили мы её всей конторой. У неё из близких никого. А после похорон, ночью, в нашем доме, я увидел её. Как живую. Она стояла в коридоре и смотрела на меня с такой ненавистью. Сам не понял, как у меня колени подогнулись. Я просил у неё прощения. Но она сказала, что не простит. И ушла.

– Сказала? Она говорила с тобой? – Маша прижала ладони к лицу.

– Да. Говорю же, как живая. – Виктор затушил окурок в чашке. – Она не простит, Маша.

Выхода нет.

Он взял в руки ружьё.

– Что ты делаешь?!

– Надеюсь, хоть ты меня простишь.

Виктор посмотрел на Машу, и в последние секунды своей жизни она успела увидеть, что в глазах мужа плещется безумие. А больше ничего не успела. Виктор выстрелил почти в упор. Патрон пробил грудь Маши насквозь, и она замертво рухнула на пол.

Он поднялся на второй этаж. Предстояло самое трудное: убить собственного ребёнка. Но лучше уж он убьёт её, чем Алка утащит дочку за собой, как утащила Валю. Нет, они ей не достанутся. Его семья ей не достанется! Надо было раньше это сделать, тогда и Валя бы была в безопасности. В покое. Умереть, и обрести покой – это хорошо. Это правильно. Виктор не хотел, чтобы Маша и Галя пали жертвами сумасшедшего призрака. Чтобы стали такими же, как она. Что Алла сделала с Валею? Утопила в озере? Вон она, подлая, смотрит на него из каждого угла дома. Насмехается!

Гали в комнате не оказалось. Виктор зарычал от отчаяния. Он перерыл весь дом вверх дном – девочки нигде не было. Виктор сел на пол в кухне рядом с женой. Маша смотрела в никуда. Бедная. Она ведь ни в чём не виновата. Это он во всём виноват. И в том, что Галю, видимо, успела забрать Алла. Не досмотрел. Так и будут его девчонки маяться вечными призраками. Ну, хоть им с Машей удалось ускользнуть. Правда, ему придётся гореть в аду за то, что он сделал. Но даже ад лучше, чем бродить бесплотным духом по земле. Виктор закрыл жене глаза, поцеловал на прощание, и взял её руку в свою. Правой рукой упёр приклад в пол. Ему не было страшно. Теперь уже нет. Устроив дуло удобно к подбородку, он закрыл глаза и нажал на курок.

Адамовка. Наши дни.

Галя сидела, закрыв глаза, сжимая в руке фотокарточку своей семьи. Перед глазами плыли картинки, как будто она находилась в кинотеатре. Ночь. Она одна в комнате. В окно светит луна. Снизу доносятся голоса родителей. Холодная рука прикасается к её плечу. Галя вздрагивает и видит Валю.

– Т-с-с-с. – говорит сестра. – Тебе надо уходить. А то папка тебя убьёт.

– Откуда ты...

Но Валя не даёт ей договорить. Она за руку тянет Галю неожиданно сильно. Помогает ей спуститься из окна по лестнице, и говорит:

– Беги скорее. Спрячься, только очень-очень хорошо. Чтобы никто тебя не нашёл. Чтобы я не нашла.

– Валя, а ты? Ты...

Валя кивает и растворяется в воздухе. Галя бежит со всех ног в деревню. Дальше смутно. Чей-то двор. Собачья будка. Шерсть. Грязь, тепло и безопасность. Тот ещё коктейль.

Обняв большую псину, Галя дрожала и плакала. Потом уснула. Утром её нашли. Она помнила какие-то коридоры. Людей. Вопросы. Чай с твёрдым печеньем. А потом пришла тётя Злата. Она увезла её в Москву. Галины вещи из дома Злата забирала без неё. Всю жизнь она говорила Гале, что её родители погибли в автокатастрофе. И почему-то ни слова не говорила о том, что у Гали была сестра. И вот теперь она её вспомнила.

Галя открыла глаза.

– Я вспомнила. Я её чувствую. Она тут.

Илья с Тасей смотрели на неё со страхом в глазах, ни слова не говоря.

– И она уже давно не та милая добрая девочка, которой была. Нам надо уезжать отсюда, Таська. Нам надо срочно бежать.

Илья посидел ещё немного рядом с притихшей вдруг Галей, а потом ушёл. Видимо, ей нужно всё это как-то переварить.

– Мам, ну когда уже поедem. – заканючила Таська.

– Что?

На Галю нахлынули воспоминания, она с трудом выныривала из них. Вот Таська тоже зараза! Не даст спокойно посидеть, подумать.

– Когда мы в Москву поедem обратно, спрашиваю.

– Куда мы поедem в Москву? И потом, надо же, наверное, сначала решить тут все дела.

– Какие дела? – вытаращилась на неё удивлённая дочь. – Мам, опомнись. Час назад ты сказала, что нам срочно нужно отсюда выбираться.

– Когда я такое сказала? – настала очередь Гали удивляться.

– Час назад... – растерянно повторила Тася. – Мам... ты чего? Ты увидела фотку, Илья напомнил тебе о твоей сестре, которая погибла. И ты сказала...

– Она не погибла, Тась.

– Что?

– Она не погибла. Она просто исчезла.

– Так... и что? Ты же сказала, что чувствуешь её душу тут, или что? Призрак? Сказала, что она зло. Что нам надо уезжать и срочно.

Тасе вдруг стало не по себе. В их семье психически нездоровой была она. Это она ходила на консультации к психиатру, пила лекарства, и балансировала между нормальной жизнью и угрозой прописаться в психушке. Мама всегда вела себя очень адекватно. С избытком адекватно, потому, что за двоих. За себя, и за неё, за Таську. А сейчас Галя вела себя, как дурочка, наглотавшаяся аминазина. Наговорила ужасов, и словно забыла.

– Мам... – осторожно начала Тася, но у Гали вдруг зазвонил сотовый.

– Алло?

– Сеструха, ты чего обзываешься и трубки кидаешь? Я же не договорил. – Артём.

Странный. Подождал час, чтобы договорить. Она уже и думать о нём забыла. Или сколько там прошло времени?

– Кое-что мать тебе всё-таки оставила. Тетрадь какую-то.

– Какую тетрадь? – не поняла Галя.

– Я не смотрел, она запечатана в конверт.

Ух ты. Тёма-то, оказывается, порядочный человек. Не сует нос в чужие записи. Или ему просто было лень.

– Заедешь?

– Я не могу сейчас заехать. Пришли почтой. Пересылку я оплачу.

– Не смей меня. Скинь мне адрес смс-кой, пришлю.

– Хорошо. Спасибо! – додумалась она, но Тёма уже отключился.

– Тася, ты пила свои таблетки? – поинтересовалась Галя, набирая сообщение с адресом.

И снова провалилась куда-то в свои мысли. Даже ответа от дочери не дождалась. Вот так. И Илья ушёл. Не сказал, придёт ли снова. Таське захотелось плакать. Или пешком идти в Москву. Приближался вечер, а значит, сегодня точно никуда не поедут. Да и собирается ли мать? Странная какая-то она стала, после того, как фотку увидела.

– Я гулять пошла. – объявила Тася.

– С кем? – посмотрела на неё Галя.

– Просто гулять. Не хочу тут сидеть!

– Телефон заряжен?

– Да!

Тася шла по центральной улице. Ей нравилось в этой деревне, но не в их стрёмном доме. Тут было много хороших домиков. Ну почему их дом такой кошмарный? Интересно, она найдёт, где живёт Илья? Попросить его с матерью поговорить. Мимо дома, откуда выходили старики, странно смотревшие на них, они ехали на машине по центральной улице. Наверное, найдёт. Чего там искать?

– Девка, а девка!

Тася услышала окрик и вздрогнула. Ничего себе, обращение! Никто и никогда не звал Тасю девкой, даже у бабы Риты в деревне. Но Тася была девочкой начитанной, и быстро сориентировалась, что для деревни такое обращение вполне нормальное явление. Она повернулась и увидела приветливо улыбающуюся женщину у калитки ближайшего к ней дома.

– Вы меня?

– Знамо тебя. Кого ты ещё тут видишь? Зайдёшь? Поболтаем.

По крайней мере, женщина улыбалась и не тянулась, чтобы осенить себя крестным знаменем.

– Я вообще-то ишу одного человека... – замаялась Тася.

– Зайди. Я тебя свежим хлебушком угощу.

Да уж. Вот у них тут приколы. Придумали тоже угощение: хлеб.

– Ладно. – покорилась Тася.

В доме у селянки было уютно, но не особо чисто.

– Кошки, заразы, грязь таскают. Мету, мету – всё без толку. Потравить бы их всех к чертям собачьим, да мыши заедят.

– Не надо! – испуганно воскликнула Тася.

Женщина посмотрела на неё, и расхохоталась.

– Ой, умора! Да пошутила я. Меня Наташа зовут. Садись-ка к столу.

И поставила перед ней кружку с молоком и тарелку с ломтями хлеба. Тася из вежливости отщипнула кусочек и положила в рот. И чуть не замычала от удовольствия! Даже в Макдоналдсе булки не такие вкусные, как хлеб у этой женщины. А в этом, пожалуй, что-то есть. Тася смело взяла ломоть и стала откусывать, запивая молоком.

– Вот и умница. Как тебя зовут-то?

– Тафя. – сообщила девочка.

– Эт чейта за имя какое заморское? – подивилась баба.

– Тася. – прожевала хлеб и получилось лучше. – Анастасия я. Тася сокращённо.

– Поняла. Ты Адамова же, да?

– Ну, вообще нет. У меня в паспорте другая фамилия. Папина. Но я поняла, о чём вы. Мама моя Адамова.

– Да, девка... угораздило же вас приехать в проклятый дом. И чего вам в своей Москве не сиделось?

Тася не знала, что на такое заявление можно ответить.

– Ты, вот что, Анастасия... ты мать уговори уехать. Вы тут не ко двору. Все думают, раз дом проклятый, и от вас добра не жди.

Тася тоскливо молчала.

– Девка, я тебе ведь добра желаю!

– А вы что же? Не боитесь, что я проклята? Пригласили меня в дом. Кормите хлебом тут своим. – с вызовом спросила Тася.

– Я не боюсь. Я печать вижу. Ты чистая пока.

Печать? Что за печать? Да они тут сами странные до ужаса. Надо выбираться от этой Наташи. Кошек она потравить хочет. Как бы и её, Таську, не отравила. Девочка встала и попятилась к двери.

– Спасибо вам большое. Было очень вкусно.

– Я тоже иногда ошибаюсь. В восьмидесятые моя мамка на почте работала, а я ей помогала. И уже тогда всё видела. Чувствовала. В тот день бабушка твоя, Мария, звонить приходила. И тоже чисто было. Не было на ней отметины. А ночью, вишь чо, погибла, болезная. Как вот я не увидела? Ничего не увидела... а помню, как сейчас. – задумчиво проговорила Наташа.

– Зачем вы пугаете меня? – заплакала Тася.

У неё просто не выдержали нервы. Мама ведёт себя, как спятившая. Теперь баба эта. У бабушки Маши, которую Тася знать не знала, и в живых не застала, не было печати, но она погибла.

– Как она умерла? Бабушка моя?

– Ты уже не маленькая. Поговори с матерью. Уезжайте, пока не пометили вас. К тому дому даже подходить опасно. А вы туда въехали.

На вопрос Наташа не ответила. Тася выскочила из её дома, не видя ничего вокруг из-за пелены слёз. Надо найти Илью. Спросить, почему он так быстро ушёл. Попросить помочь ей убедить мать срочно уехать. Вытерев слёзы, девочка побрела дальше по центральной, разглядывая заборы. Она уже не была уверена в том, что найдёт нужный дом. Тася чувствовала себя оторванной от реальности.

Галя пошла к озеру. Оно было рядом с домом. По прямой. Вот сейчас вспомнилось, как девчонками бегали туда. Спустились с крыльца, и по прямой, к лесу. Чуть прошли, и вот оно, озеро. С одной стороны, с той, что смотрела на их дом, озеро было как на ладони: небольшое поле, берег, и вот она, вода. А с трёх сторон водоём окружал лес. То редяя, то сгущаясь, деревья обступали озеро почти по кругу. Галя не знала, зачем пошла сюда. Может потому, что именно тут тридцать три года назад Валя видела какую-то женщину. Разговаривала с ней. Притом, что Галя ничего такого не видела. Ничего и никого. Надеялась увидеть сейчас?

Она прошла вдоль берега. Почему так странно произошло? В памяти не было ничего об этом месте, а потом фото перед глазами, и комментарий Ильи: «Это Валя, твоя сестра-близняшка». И как будто плотину прорвало. Вот тут, под этим самым кустом, Галя сидела, подложив под куртку ветки, чтобы не простудиться. Читала книжку, а Валя кидала в озеро камушки, изредка выкрикивая что-то, если камень летел удачно. Галя и не обращала внимания на сестру. Когда она там что кричала, а когда что говорила. Но что никакой женщины на берегу не было, Галя могла поклясться. А дома выяснилось, что была. Точнее, Валя утверждала, что была. После этого две ночи Валя разговаривала во сне. А на третью пропала. Что же получается? Была какая-то таинственная женщина, она и похитила Галину сестру. Когда Галя видела Валью в последний раз, та была странной. Холодной и чужой. И очень сильной. Кем она была? Призраком? Каким-то ночным монстром, типа тех, о ком читает книги и смотрит фильмы Таська? И может ли это вообще быть правдой, или всё, что вспомнилось Гале, просто плод богатого детского воображения? Но ведь Валя не зря увела Галю из дома в их последнюю встречу. «Тебе надо уходить, а то папка убьёт тебя!» Больше Галя родителей не видела. И никто никогда не рассказывал ей, что случилось в ту ночь. Очень возможно, что останься Галя тогда в доме, и сейчас бы её тут не было. Нигде бы не было.

– Валя! – позвала Галя. – Валя! Ты где?

И сама испугалась своего голоса. Да что она творит вообще? Кого она зовёт тут спустя тридцать три года? Галя сплюнула и пошла домой. Шла и думала, что Таська что-то чудит. Бежать куда-то собралась. Говорит, что Галя, мол, сама предлагала бежать. А у неё в голове сумбур какой-то, но такого она не говорила. Столько всего вспомнилось зараз – попробуй всё это перевари. Первый момент, когда она вспомнила сестру, холодной сильной рукой тянувшую Галю прочь из дома, у неё вообще было состояние транса. И сосед сбежал. Видимо, посмотрел на неё, и решил от греха смыться. Надо как-то приходиться в себя. Сколько она может бродить около озера, и в странных воспоминаниях. Нет никакой чертовщины! Всё привиделось. А то, что пол в старом доме ночами скрипит, так это ему сам Бог велел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.